№ 21. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ Цѣна 15 к.

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

19 Іюня. ГОДЪ ИЗДАНІЯ 1-ый 1916 г.

Эскизъ худ. В. Суреняна для „Армянскаго Вѣстника".

Группа бѣженцевъ-армянъ.

МОСКВА.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 ГОДЪ

на еженедѣльный общественно-политическій и литературный журналъ, посвященный вопросамъ армянской жизни

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

I-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Издаваемый въ Москвѣ Ив. Т. Амировымъ. При ближайшемъ участіи А. К. Дживелегова.

Великая европейская война еще разъ обратила вниманіе всего міра на армянскій народъ, который теперь гибнетъ въ Турціи за свое стремленіе къ европейской цивилизаціи и за свою преданность державамъ согласія. Небывалый доселѣ интересъ къ судьбамъ армянъ, къ ихъ безконечнымъ страданіямъ, наблюдается въ Англіи, во Франціи, въ С. Штатахъ, въ Швейцаріи, а также и у насъ—въ Россіи.

Но широкіе слои русскаго общества и до сихъ поръ мало знакомы съ армянами, съ ихъ прошлымъ, съ ихъ культурой, и нѣтъ въ Россіи ни одного органа на русскомъ языкѣ, посвященнаго исключительно всестороннему освѣщенію армянской общественно-національной жизни, отраженію нуждъ и потребностей армянъ.

Идя на встрѣчу этой неотложной потребности, неоднократно подчеркиваемой армянской прессой на Кавказѣ и многими общественными организаціями въ Россіи, группа московскихъ армянъ приступила къ изданію въ Москвѣ еженедѣльнаго журнала подъ названіемъ „АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Авсаркисовъ М. П., А-До, чл. Гос. Думы Аджемовъ М. С., Алавердянъ М. Я., проф. Арабажинъ К. И., Аракелянъ А. Б., Ахумовъ Н. М., Бабовъ А. С., Бальмонтъ К. Д., кн. Барятинскій В. В., Берберьянъ М., Брюсовъ В. Я., акад. Бунинъ И. А., Бунинъ Ю. А., Варандянъ Мих., Ведребисели Д.; Вермишевъ Х. А., Верховскій Ю., акад. Веселовскій А. Н., Веселовскій Ю. А., Врацянъ С., проф. Гамбаровъ Ю. С., Гнуни И., Гордлевскій В. А., Городецкій С.; проф. Гредескулъ Н. А., Джабаръ М. А., кн. Долгоруковъ П. Д., Іоаннисянъ Т. Н., Ивановъ Вяч. И., Кара-Мурза П. М., Кара-Мурза С. Г., Карамянъ Н. Р., проф. Кизеветтеръ А. А., Кокошкинъ Ѳ. Ѳ., проф Котляревскій С. А., Кушлю Ал., Ледницкій А. Р., Лео; Микаэлянъ К., Чл. Гос. Думы Милюковъ П. Н., Назарьянъ Т. Я., прив. доц. Нерсесовъ А. Н., проф. Новгородцевъ П. И., Огановскій Н. П., Чл. Гос. Думы Пападжановъ М. И., Папазьянъ В., Пираловъ А. С., Пономаревъ К. М., Чл. Гос. Думы Родичевъ Ф. И., Сакулинъ П. Н., Семеновъ Е. П., Сибирскій Ф., Сологубъ Ѳ. К., Старцевъ Гр., прив.-доц. Тотоміанцъ В. Ѳ., кн. Тумановъ Г. М., кн. Тумановъ К. М., Туманянъ Ов., Тыркова А. И., Ханазатъ Р., Цатуріанъ А. І., Чалхушьянъ Г. Х., Чубаръ Геворгъ, Шагинянъ М., кн. Шаховской Д. И., Чл. Гос. Думы Шингаревъ А. И., Чл. Гос. Думы Щепкинъ Н. Н., Яблоновскій С., и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ЯНВАРЯ 1916 ГОДА:

ВЪ РОССІИ На годъ 5 р.; на 6 мѣс.—3 р. на 3 мѣс.—2 р. 25 к. На 1 мѣс.—75 к.; цѣна отдѣльнаго номера 15 коп.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЕ ЗА ОДИНЪ РАЗЪ:

Страница и части ея:	1/1 стр.	1/2 стр.	1/4 стр.	1/8 стр.	1/16 стр.
а) обложка 2-я и 4-я стр.	75 руб.	40 руб.	25 руб.	15 руб.	10 руб.
б) позади тек. и 3-я стр. обл.	50 руб.	30 руб.	18 руб.	10 руб.	6 руб.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ ЖУРНАЛА

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

Москва, Остоженка, 2-й Ильинскій пер., д. 3. Телеф. 3-85-69.

Редакторъ-издатель Иванъ Томасовичъ АМИРОВЪ.

№ 21. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ 1916 г.

АРМЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ

СОДЕРЖАНІЕ № 21.

1) О земскомъ совѣщаніи.
2) Изъ армянск. типовъ новой французской литературы. II. Мой другъ Тигранъ. *Юрій Веселовскій.*
3) Васпураканъ. (Странички изъ прошлаго Ванскаго вилайета). *Ф. Сибирскій.*
4) Рай. В. Папазьяна. Пер. *А. Попова.*
5) Пѣсни Рая. стих. *С. Городецкаго.*
6) Ванская Газелла. Стих. *Александра Кушлю.*
7) Армяне и Шекспиръ. *М. Адамовъ.*
8) Итоги земскаго совѣщанія и взаимоотношенія группъ. *А. Шахатунянъ.*
9) Замѣтки для «Армянскаго Вѣстника». *Х. Кучукъ-Іоаннесовъ.*
10) Война съ Турціей.
11) Какъ турки истребляли армянъ. *А.—До.*
12) Возстановленіе Арменіи.
13) Очередныя задачи. *Ив. Амировъ.*
14) Списокъ армянскихъ общественныхъ организацій, принимавшихъ участіе на армянскомъ съѣздѣ, и ихъ представителей.
15) Обзоръ печати.
16) Хроника армянской жизни.
17) Письмо въ редакцію.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вслѣдствіе непомѣрнаго повышенія цѣнъ на все безъ исключенія предметы, необходимые для изданія журнала, редакція съ 1-го іюля с. г. устанавливаетъ слѣдующую подписную цѣну на „Армянскій Вѣстникъ":

На 6 мѣсяцевъ	**4 рубля — коп.**	**На 3 мѣс.**	**2 рубля 50 коп.**
„ 5 „	**3 рубля 50 коп.**	**„ 2 „**	**2 рубля 25 коп.**
„ 4 „	**3 рубля — коп.**	**„ 1 „**	**1 рубль 25 коп.**

На весь 1916 годъ за исключ. №№ 1,3,4,5,6—6 руб. За границу—вдвое. Цѣна отдѣльнаго номера—20 коп.

Контора журнала «Армянскій Вѣстникъ»

просить подписчиковъ, срокъ подписки которыхъ истекаетъ 1-го іюля, поторопиться со взносомъ платы во избѣжаніе перерыва въ высылкѣ журнала.

Москва, 19-го іюня.

Въ кавказской печати продолжается обсужденіе вопроса о земской реформѣ и, конечно, не смолкаетъ полемика между представителями различныхъ точекъ зрѣнія. Послѣ того, какъ русская печать единогласно осудила феодально-реакціонныя поползновенія мусульманско-грузинскаго блока и его умиленное колѣнопреклоненіе передъ Положеніемъ 1890 года,—защитники позиціи большинства

земскаго совѣщанія запѣли новыя пѣсни. Вѣрнѣе, не совсѣмъ новыя: ихъ они пѣли и раньше, но за другими мотивами онѣ не были слышны отчетливо. Зато теперь онѣ льются fortissimo, оглушая недруга и друга.

Новый мотивъ сторонниковъ большинства совѣщанія—національзмъ. Аргументація же заключается въ слѣдующемъ. Причины рѣзкой критики постановленій большинства со стороны армянской печати кроются въ томъ, что она не хочетъ понять истинный смыслъ резолюцій большинства. Защитники этихъ резолюцій изъ числа тѣхъ, которые хотятъ еще сохранить нѣкоторыя приличія, соглашаются, что съ соціально-политической точки зрѣнія поведеніе большинства не очень похвально,—но и только. Съ точки зрѣнія національныхъ противоположностей на Кавказѣ они не видятъ въ немъ ничего предосудительнаго. Армянская печать по ихъ мнѣнію совершенно напрасно нападаетъ на грузино-мусульмаскій блокъ и упрекаетъ его въ националистической исключительности. Національную вражду раздуваютъ не грузины и не мусульмане, а сами армяне. И если даже есть среди грузинъ и мусульманъ националисты, то ихъ гораздо меньше, чѣмъ среди армянъ. Армяне проводятъ националистическую точку зрѣнія всюду, гдѣ могутъ. Особенно ярко сказывается она всякій разъ, когда происходятъ городскіе выборы въ Тифлисѣ.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что защитники блока укрѣпились именно на этой позиціи. Она по сравненію съ прежней представляетъ большія удобства для защиты. Тутъ армяне прежде всего лишены поддержки русской прессы, которая сыграла рѣшительную роль въ пораженіи блока на соціально-политической почвѣ. Тутъ, слѣдовательно, армяне изолированы, а русская печать мало освѣдомлена и легче можетъ быть введена въ заблужденіе. И кромѣ того, національные вопросы—такіе вообще путанные вопросы! Кто тамъ разберетъ, гдѣ правые, гдѣ виноватые.

Такъ ли все это?

Мы совсѣмъ не расположены защищать армянскую буржуазію въ Тифлисѣ,—такъ называемыхъ Сололакцевъ. У нея много грѣховъ. Но въ земскомъ совѣщаніи ея позиція была безукоризненна. Она стояла за то, что справедливо со всѣхъ другихъ точекъ зрѣнія. Это опредѣляетъ правоту или неправоту ея національной позиціи. То, что она отстаивала въ вопросѣ о мелкой земской единицѣ—требованіе созданія участковаго земства—обезпечиваетъ интересы всѣхъ національностей, въ то время, какъ отказъ блока согласиться на такое именно дѣленіе земства, явно имѣетъ цѣлью подавленіе армянской національности въ мѣстномъ самоуправленіи. Эта противоположность тѣмъ болѣе знаменательна, что классовые интересы играютъ тутъ очень незначительную роль.

Но этотъ вопросъ требуетъ болѣе детальнаго статистическаго анализа. Имъ мы займемся въ особой статьѣ.

Изъ армянскихъ типовъ новой французской литературы.

II.

„Мой другъ Тигранъ".

Если въ лицѣ Астинэ Аравьянъ Баррэсъ вывелъ представительницу космополитическаго парижскаго общества, въ которой, какъ мы видѣли, собственно, мало армянскаго, то изъ-подъ его пера вышло и такое произведеніе, гдѣ онъ показалъ французскимъ читателямъ типичнаго армянина, любящаго свою родину, мечтающаго объ ея возрожденіи. Въ 1906 году вышла въ свѣтъ его книга „Le Voyage de Sparte" (Путешествіе въ Спарту), распадающаяся на нѣсколько главъ, точнѣе, отдѣльныхъ очерковъ, проникнутая живымъ интересомъ къ памятникамъ греческой культуры и вообще—къ крупной исторической роли Эллады и эллинизма. Одинъ изъ совершенно обособленныхъ очерковъ, входящихъ въ составъ этой оригинальной и читающейся, въ общемъ, съ интересомъ книги, озаглавленъ „Mon ami Tigrane" (Мой другъ Тигранъ) и имѣетъ непосредственное отношеніе къ армянской жизни и къ борьбѣ армянъ за лучшее будущее.

Если бы въ русской литературѣ встрѣчались такого рода армянскіе типы, и дѣло не

ограничивалось однимъ изображеніемъ мелкихъ и крупныхъ торговцевъ, а то и просто—темныхъ личностей, безъ опредѣленныхъ занятій, наша публика гораздо лучше понимала бы мечты и запросы армянской интеллигенціи.

Баррэсъ говоритъ о Тигранѣ, какъ о лицѣ, дѣйствительно, существовавшемъ,—да вѣдь и вообще вся книга не носитъ чисто беллетристическаго характера, является отраженіемъ подлиннаго путешествія. Онъ называетъ въ своемъ повѣствованіи мѣстности, приводитъ имена подлинныхъ дѣятелей, говоритъ объ опредѣленныхъ годахъ, мѣсяцахъ, числахъ, цитируетъ письма „друга Тиграна" къ нѣжно любимой имъ матери. Въ приложеніи къ книгѣ помѣщено произведеніе молодого армянина, по словамъ Баррэса, присланное имъ въ 90-ыхъ годахъ въ редакцію газеты „La Cocarde" и напечатанное тамъ. Такимъ образомъ авторъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы установить подлинный, реальный характеръ того лица, которому онъ посвятилъ нѣсколько десятковъ страницъ въ своей книгѣ.

Но мы все же не можемъ отдѣлаться отъ той мысли, что въ этомъ очеркѣ есть и доля творчества, что иныя черты, свойственныя вообще извѣстному типу, приписаны здѣсь единичной личности, что нѣкоторыя встрѣчи съ Тиграномъ, на самомъ дѣлѣ, произошли не совсѣмъ такъ, какъ это описано въ „Le Voyage de Sparte". Авторъ самъ даетъ намъ понять, что слова его, обращенныя къ молодому армянину, въ дѣйствительности звучатъ, быть можетъ, нѣсколько иначе. Несомнѣнно одно: этотъ образъ не выдуманъ французскимъ писателемъ, въ основѣ его лежитъ реальное лицо, съ его мечтами о свободной Арменіи и о возрожденіи эллинистической культуры,—и это, конечно, дѣлаетъ его особенно жизненнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интереснымъ для тѣхъ читателей, которые совершенно незнакомы съ армянскою молодежью.

Морисъ Баррэсъ съ большою симпатіей и участіемъ отзывается объ этомъ энтузіастѣ, мечтавшемъ сдѣлать такъ много для своей отчизны и умершемъ, всего 27-ми лѣтъ отъ роду на Принцевыхъ островахъ, съ грустнымъ сознаніемъ, что ему не суждено было дожить до лучшихъ дней и принять дѣятельное участіе въ борьбѣ за освобожденіе Арменіи. Подобно тургеневскому Инсарову, Тигранъ только готовится къ дѣятельности національнаго борца, но такъ и не получаетъ возможности осуществить на дѣлѣ свои широкіе планы. Онъ, несмотря на свое слабое здоровье, агитируетъ, пишетъ газетныя статьи, читаетъ публичныя лекціи, заводитъ сношенія съ греческими политическими дѣятелями,—особенность его взглядовъ состоитъ въ томъ, что онъ считаетъ необходимымъ сближеніе армянъ съ греками для совмѣстной борьбы съ турецкимъ гнетомъ. Ему такъ и не удается, однако, стать во главѣ отряда, рѣшительно дѣйствующаго противъ турокъ. Смерть настигаетъ его, давно уже томившагося въ когтяхъ безпощаднаго недуга, въ такой моментъ, когда его страна, испытавъ болѣе, чѣмъ когда-либо, всѣ ужасы турецкаго режима, уже начинаетъ все яснѣе сознавать необходимость рѣшительной борьбы съ вѣковымъ врагомъ. Тигранъ умираетъ, если не въ преддверіи обѣтованной земли,—не забудемъ, что его не стало еще въ концѣ минувшаго столѣтія,—то, по крайней мѣрѣ, на рубежѣ такой поры, когда турецкіе армяне должны были, силою обстоятельствъ, избрать единственный путь, который могъ ихъ привести къ освобожденію.

Но молодой патріотъ не сразу сосредоточилъ всѣ свои заботы и помыслы на борьбѣ за лучшее будущее отчизны. Вначалѣ въ немъ еще не проснулся національный дѣятель, вѣрный сынъ родного края. Онъ, конечно, любитъ свою страну, знаетъ тѣневыя стороны ея существованія, испытываетъ органическое отвращеніе, сталкиваясь со специфическими особенностями турецкихъ порядковъ. Но по своимъ основнымъ взглядамъ и интересамъ онъ еще является, въ значительной степени, космополитомъ. Образованіе онъ получилъ во французскомъ коллэжѣ, потомъ путешествовалъ по Америкѣ. Западная культура манила и очаровывала его; въ противоположность Астинэ Аравьянъ, онъ неохотно говорилъ о Востокѣ и восточной жизни, нѣсколько удивляясь тому, что писателей вродѣ Баррэса привлекаетъ именно все экзотическое, красочное, непохожее на обычный складъ европейской дѣйствительности...

Въ Францію онъ пріѣзжаетъ пламеннымъ, восторженнымъ почитателемъ главныхъ французскихъ литераторовъ, чьи произведенія онъ тщательно изучилъ еще на Востокѣ. Интересуетъ его и мѣстная политическая жизнь; онъ ходитъ на предвыборныя собранія, слѣдитъ за борьбою партій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ увлеченъ античною культурою не менѣе, чѣмъ самъ Баррэсъ; съ восторгомъ изучаетъ онъ старинные памятники, старается усвоить основы древне-греческаго міросозерцанія, которое кладетъ извѣстный отпечатокъ на его собственные взгляды. Съ восхищеніемъ говоритъ онъ о тѣхъ временахъ, когда Арменія находилась подъ сильнымъ вліяніемъ эллинской культуры, армянскіе цари приглашали къ своему двору греческихъ актеровъ и философовъ, статуи греческихъ боговъ ставились въ храмахъ, наряду съ изображеніями мѣстныхъ божествъ. Этотъ культъ древней Эллады еще усиливается у Тиграна, когда онъ самъ попадаетъ на историческую почву Аѳинъ, о которой онъ такъ часто вспоминалъ раньше, видитъ обломки славной культуры, произведенія

искусства, достопамятныя развалины. Но въ эту пору къ его эллинистическимъ симпатіямъ и увлеченіямъ уже определенно примѣшиваются пламенныя мечты объ освобожденіи армянскаго края.

Тиграна сдѣлала патріотомъ сама жизнь. Въ Константинополѣ онъ сталъ свидѣтелемъ трагическихъ сценъ, избіеній и погромовъ. Это пробудило въ немъ сознаніе своей неразрывной, органической связи со своимъ народомъ, съ его прошлымъ, историческими судьбами, національными традиціями. При слѣдующей же встрѣчѣ съ Баррэсомъ онъ говоритъ съ жаромъ о той борьбѣ, которая должна возгорѣться вскорѣ и послужить отвѣтомъ на все, что выносилъ такъ долго армянскій народъ.

„Онъ хотѣлъ теперь жить и умереть за свою несчастную Арменію", пишетъ Баррэсъ. „Что касается меня, то онъ предлагалъ мнѣ выполнить роль Байрона. Я долженъ былъ сопровождать его во время цѣлой серіи публичныхъ лекцій, потомъ ѣхать въ Грецію, чтобы организовать десантъ добровольцевъ въ Киликіи". Все это осталось, конечно, въ области грезъ и иллюзій, — прежде всего, потому, что хрупкое здоровье Тиграна, какъ мы видѣли, не позволило ему перейти отъ словъ къ дѣлу, и жизнь его должна была оборваться, сравнительно, очень скоро послѣ всѣхъ этихъ восторженныхъ рѣчей. Да Баррэсъ и не подходилъ къ роли новаго Байрона, организующаго возстаніе и, быть можетъ, кончающаго свою жизнь среди борьбы за чужое для него, въ сущности, дѣло.

Онъ самъ не скрываетъ того, что при всемъ сочувствіи къ армянамъ не разъ сдерживалъ себя, чтобы не сказать Тиграну того, что было у него на душѣ, не показать ему, что многое въ его рѣчахъ кажется ему утопичнымъ. Поклонникъ силы, мощи, выдержки, которую ничто окончательно сломить не можетъ, онъ, видимо, плохо вѣрилъ въ то, чтобы турецкій режимъ могъ такъ быстро рухнуть подъ напоромъ народа, въ теченіе вѣковъ выносившаго покорно свою безотрадную участь и не успѣвшаго еще подготовиться къ упорной борьбѣ. Самъ Тигранъ казался ему мало подходящимъ, прежде всего—по своей физической организаціи, къ роли смѣлаго, закаленнаго борца. Предложеніе — стать Байрономъ для армянскаго народа онъ, по его словамъ, могъ бы принять съ большими оговорками и поправками, если бы былъ вполнѣ свободнымъ человѣкомъ, безъ обязанностей и постоянныхъ занятій; при данныхъ условіяхъ это было для него совершенно невозможно. Но ему было жаль молодого энтузіаста, и нерѣдко онъ, точно Онѣгинъ, во время бесѣдъ съ Ленскимъ, „охладительное слово въ устахъ старался удержать".

Тигранъ, въ изображеніи Мориса Баррэса, является безусловно привлекательною личностью. Кое-что въ его воззрѣніяхъ и идеалахъ, правда, кажется теперь уже нѣсколько устарѣвшимъ или спорнымъ,—напримѣръ, его убѣжденіе, что армяне должны добиваться свободы непремѣнно рука объ руку съ греками, подъ покровительствомъ греческаго королевства... Не совсѣмъ ясно также, почему въ пору константинопольскихъ ужасовъ онъ, при его пламенной, порывистой натурѣ, поспѣшно направился въ Грецію, подъ вліяніемъ всего имъ видѣннаго,—тогда какъ мы бы скорѣе ожидали, что онъ погибнетъ во время какой-нибудь уличной схватки. Самъ авторъ говоритъ, что не все въ натурѣ его друга Тиграна было для него понятно.

Но недаромъ онъ называетъ его поэтомъ, мечтателемъ, юнымъ пророкомъ Арменіи. Пусть у молодого армянина нѣтъ многихъ свойствъ, нужныхъ для настоящаго политическаго дѣятеля: невольно подкупаетъ его искренность, отзывчивость, способность жить благородными мечтами, забывать о себѣ ради блага ближнихъ и общаго дѣла. Существовалъ ли въ дѣйствительности „другъ Тиграна", или передъ нами, въ значительной степени, созданіе фантазіи автора,—это, во всякомъ случаѣ, одинъ изъ наиболѣе симпатичныхъ и интересныхъ армянъ, выведенныхъ западно-европейскими писателями.

Юрій Веселовскій.

Васпураканъ. *)

(Странички изъ прошлаго Ванскаго вилайета).

(Окончаніе).

Смеркается. Пронесло тучи, на темномъ небѣ зажглись милліоны звѣздъ... Журчатъ среди потонувшихъ въ зелени утесовъ ручьи, каскадами свергаясь съ утесовъ... Хорошо!.. но зинворамъ не до красотъ природы, ихъ мучаетъ голодъ. Внизу свѣтятся огоньки въ деревушкахъ Шушанацъ и Коганацъ. Вартанъ посылаетъ туда зинворовъ отыскать хоть сколько-нибудь хлѣба. Вернулись съ пустыми руками.

— Нѣтъ хлѣба, самимъ ѣсть нечего,—отвѣтили посланцамъ Вартана жители.

И вотъ опять подымается больной Вартанъ, едва стоитъ на ногахъ, знобъ, но что дѣлать?—зинворы голодны, необходимо найти хлѣбъ.

— Я долженъ похлопотать для васъ, попытаться найти хлѣбъ, говоритъ онъ пытающимся протестовать зинворамъ. Тѣ протестуютъ, говорятъ, пойдете внизъ больной, не сможете вернуться, мы останемся и безъ главаря и безъ хлѣба.

— Что дѣлать, отвѣчаетъ Вартанъ, ничего не подѣлаешь, я единственный человѣкъ, ко-

*)См. «Армянскій Вѣстникъ» № 20.

торый можетъ что-нибудь сдѣлать, нужно итти.

Вмѣстѣ съ зинворомъ, пошатываясь отъ слабости, спускается Вартанъ съ горы къ стоящему на склонѣ историческому Варакскому монастырю Кармраворъ, въ которомъ когда-то былъ настоятелемъ, до избранія своего католикосомъ, знаменитый основоположникъ новаго армянскаго движенія, Хримьянъ Айрикъ.

Сѣрыя стѣны смутно рисуются во тьмѣ своими полуразрушенными зубцами. Въ старину этотъ монастырь, какъ всѣ монастыри Арменіи, да и не только одной Арменіи, а нашей Россіи, служилъ крѣпостью. Бродятъ вокругъ темнѣющихъ стѣнъ монастыря Вартанъ съ зинворомъ, но не рѣшаются ни постучать въ ворота, ни окликнуть стражу. Въ тѣ времена, монастыри турецкой Арменіи зачастую служили убѣжищемъ революціонеровъ. Армянская церковь, съ ея широко проведенной избирательной системой, съ ея выборнымъ главою—католикосомъ; съ широкимъ участіемъ міранъ въ жизни церкви,—одна изъ самыхъ демократическихъ церквей. Турецкій гнетъ, обрушивающійся не столько на національность, сколько на религію армянъ, сплачиваетъ духовенство съ паствою, ставитъ его въ ряды оппозиціи. Турки отлично понимаютъ это и потому зачастую принимаютъ свои мѣры стремясь изолировать монастыри отъ населенія. Одной изъ обычныхъ мѣръ служитъ назначеніе турецкаго заптія привратникомъ монастыря. Мотивируется подобное назначеніе, якобы, желаніемъ охранить монастырь отъ возможныхъ покушеній разбойниковъ, на дѣлѣ же заптій служитъ постояннымъ шпіономъ, наблюдающимъ за тѣмъ, чтобы въ монастырь не приходили посторонніе подозрительные люди.

Вартанъ не зналъ назначенъ ли въ Кармраворъ подобный «хранитель безопасности монаховъ» и потому долго не рѣшался ни окрикнуть, ни постучать, но въ концѣ-концевъ, необходимо было рѣшиться. Вартанъ тихо свистнулъ. Молчаніе, никого нѣтъ. Свистнулъ второй разъ, снова молчаніе, подошелъ ближе, въ монастырѣ проснулись, залаяли собаки.

— Эй эй, рѣшился окликнуть Вартанъ, выйдите, мы—прохожіе.

На оградѣ показался темный силуэтъ.

— Кто вы, что нужно вамъ?—спрашиваетъ дрожащій голосъ по-армянски—очевидно спрашивающій боится не меньше Вартана и зинвора.

— Я—Вартанъ,—твердо отвѣчаетъ хумбапетъ.

Тотъ узналъ Вартана. Заскрипѣли заржавленныя петли, открылась дверь монастыря.

— Я за хлѣбомъ, говоритъ Вартанъ, на горѣ ждутъ 15 голодныхъ зинворовъ.

— Не много у насъ хлѣба, отвѣчаетъ впустившій, это былъ завѣдывающій хозяйствомъ монастыря, хорошо знавшій Вартана, преданный движенію человѣкъ, но что есть—все дадимъ.

Собрали 20—25 маленькихъ хлѣбцевъ, разъ поѣсть голоднымъ зинворамъ, но что дѣлать, если больше взять негдѣ.

Вартанъ попросилъ молока, думалъ сможетъ пить. Принесли кружку, попробовалъ—нѣтъ, ни ѣсть, ни пить не можетъ.

Сидятъ, разговариваютъ. Близится полночь, немного отдохнуть и нужно итти на гору къ зинворамъ.

Вдругъ на дворѣ лай собаки.

Насторожились...

— У васъ на дворѣ есть зинворъ?—спрашиваетъ Вартана впустившій въ монастырь.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Вартанъ, насъ двое, нужно посмотрѣть, что тамъ, это не пустой лай.

Подымаются на стѣну, смотрятъ—внизу Восгенъ. Открыли ворота. Входитъ; взглянули и ахнули, худой, изнуренный, блѣдный, въ жару, на спинѣ изъ широкой раны сочится на залитый кровью сѣрый пиджакъ кровь.

— Восгенъ, голубчикъ, откуда?—спрашиваетъ Вартанъ.

Медленно опустился на плоскій камень и усталымъ, прерывающимся голосомъ разсказалъ цѣлую эпопею. Лежалъ больной, въ жару, когда пришелъ зинворъ отъ Вартана съ вѣстью о томъ, что зинворамъ грозитъ голодъ. Поднялся, рѣшилъ найти хлѣба. Но вотъ вопросъ—какъ? Купить большое количество невозможно, за лавками слѣдятъ. Рѣшилъ пойти на мельницу попросить смолоть пшеницы. Пришли съ зинворомъ. Хозяева армяне разрѣшили. Вотъ пшеница—мелите сами въ пустой мельницѣ, мы будто ничего не знаемъ. Пустили мельницу принялись молоть. Вдругъ, откуда ни возьмись курды.

— Кто на мельницѣ, что за народъ?

Врываются, Восгенъ и зинворъ схватились за револьверы. Затремѣли выстрѣлы. Восгенъ убилъ одного курда и выскочилъ въ поле, самъ получивъ ударъ кинжаловъ въ спину. Прорвался и зинворъ, но другъ друга потеряли.

Темно, что дѣлать? Восгенъ рѣшилъ идти въ Варакскій монастырь, рѣшивъ, что, вѣроятно, туда же прійдетъ и зинворъ.

Закончилъ Восгенъ разсказъ и говоритъ: сейчасъ начнутся обыски и, вѣроятно, прежде всего въ этомъ монастырѣ, тебѣ Вартанъ нужно уходить.

Вартанъ и самъ понялъ, что нужно скрываться. Прежде думалъ провести ночь въ монастырѣ, отдохнуть, заготовить хлѣбъ и днемъ послать за зинворами, чтобы перенести на гору, но теперь отдыхать было некогда—необходимо спасать и свою голову и головы монаховъ, которыхъ не пощадили бы, если бы нашли въ ихъ монастырѣ главаря зинворовъ. Но, прежде чѣмъ уходить, нужно по-

заботиться о Восгенѣ. Онъ едва на ногахъ стоитъ, ему не подняться на гору, нужно спрятаться тутъ же около монастыря.

За стѣнами Кармравора есть нѣсколько глубокихъ, сухихъ колодцевъ—они служатъ запасными закромами для хлѣба. Въ одинъ изъ этихъ колодцевъ рѣшили спустить больного раненаго Восгена. Но, прежде чѣмъ спустить его въ колодезь, Вартанъ снялъ съ руки шерстяную рукавицу и засунулъ Восгену подъ жилетъ, чтобы не было холодно—онъ жаловался, что рана холодитъ.

Спустили Восгена, прикрыли какой-то рухлядью, простились и двинулись на гору. Прошли втроемъ. Вартанъ, зинворъ и одинъ служка изъ монастыря. Тяжело подыматься на гору, Вартанъ едва бредетъ. Прошли съ полчаса, отпустили служку обратно. Если будетъ обыскъ, курды знающіе всѣхъ обитателей монастыря, хватятся его, начнутся поиски по окрестностямъ. Идутъ вдвоемъ. Зинворъ несетъ хлѣбъ и поддерживаетъ едва бредущаго Вартана. Медленно подвигаются къ вершинѣ. Вотъ за скалами знакомая полянка, дальше темный зѣвъ пещеры, гдѣ спрятались зинворы. Подошли ближе, въ темнотѣ что-то слабо мерцаетъ.

Смотрятъ... Зинворы зажгли восковую свѣчу. Длинную, тонкую, смотанную въ клубокъ армянскую свѣчку, такую длинную, что одной можетъ хватить на нѣсколько ночей.

Едва мерцаетъ свѣтъ, слабо озаряя юныя встревоженныя лица ведущихъ тихую бесѣду зинворовъ и поблескивая на стали ружей и стальной оковкѣ кинжаловъ. Глубокая ночь, но ни одинъ изъ зинворовъ не спитъ. Тревога за Вартана, думы о своей судьбѣ, о тяжеломъ походѣ въ Персію гонятъ сонъ. Вдругъ звукъ шаговъ. Зинворы встрепенулись. Курды не прійдутъ сюда, только нѣсколько человѣкъ своихъ знаютъ дорогу къ этой пещерѣ, но все же инстинктивно рука потянулась къ ружью. На порогѣ показалась знакомая фигура. Свои—Вартанъ.

Вартанъ отдалъ хлѣбъ старшему Мико (его и Восгена вмѣстѣ потомъ убили) и какъ убитый повалился на камни пещеры, но не забылъ сказать о необходимости поставить часового. Можетъ послѣ стычки на мельницѣ будутъ искать и случайно наткнутся на эту пещеру.

Зинворы взялись за хлѣбъ. Много ѣсть нельзя. Можетъ больше достать не удастся. Скоро суровая трапеза изъ небольшого куска хлѣба и чистой ключевой воды, была закончена, и всѣ заснули кромѣ одного мечущагося въ жару Вартана. Еще день провели въ пещерѣ. На слѣдующій вечеръ послали въ монастырь за хлѣбомъ.

Посланный возвращается, разсказываетъ—хлѣбъ не готовъ, нужно еще ждать. Обыска противъ ожиданія не было. Восгена подняли изъ колодца и спрятали въ деревнѣ Шушанацъ, зинворъ, прорвавшійся съ мельницы вмѣстѣ съ Восгеномъ, еще не пришелъ.

Пришлось ждать еще сутки. На слѣдующій вечеръ Вартанъ самъ вмѣстѣ съ зинворомъ спустился на условный пунктъ внизу, навстрѣчу вышелъ Восгенъ, экономъ монастыря и пропавшій зинворъ. Оказывается полторы сутокъ, не ѣвши, хоронился межъ скалъ, прійти въ монастырь рѣшился только на другія сутки, подъ вечеръ. Хлѣба принесли мало. Но ждать дольше нельзя, такъ какъ больше достать хлѣба не гдѣ. Вартанъ рѣшилъ немедленно идти въ Персію.

Восгенъ просится вмѣстѣ.—Возьмите меня... какъ больше достать хлѣба негдѣ. Вартанъ шатается, на ногахъ не стоитъ. Едва уговорили, что идти невозможно—безуміе. Согласился, остался въ Шушанацѣ, хоронился тамъ нѣсколько дней, затѣмъ перешелъ въ Ванъ, лежалъ тамъ, пока не выздоровѣлъ и потомъ снова взялся за дѣятельность дашнакцакана-боевика. Но это было потомъ, теперь онъ едва-едва поплелся къ Шушанацу.

Послали вверхъ за зинворами и всѣ двинулись на востокъ. Часа полтора шелъ съ ними экономъ изъ Кармравора, указывалъ дорогу среди садовъ и мельницъ, наконецъ вышли на знакомый Вартану путь; простились, Вартанъ подарилъ эконому револьверъ и разошлись въ разныя стороны. Экономъ въ Babакскій монастырь, зинворы на западъ.

Первый день провели около села Арчикъ. Въ село не вошли, опасно. Остановились въ глухомъ ущельи. Закусили хлѣбомъ и ключевой водой, легли спать, выставивъ посмѣнныхъ часовыхъ. Такъ провели весь день, какъ только смерклось — двинулись дальше на сѣверо-западъ. Къ слѣдующему утру подошли къ армянскому селу Богазкесенъ. Въ этомъ селѣ, какъ почти во всѣхъ селахъ Васпуракана, уже тогда была у дашнакцакановъ своя организація—одинъ, два, иногда три-четыре человѣка. Вартанъ, видя, что хлѣба на дорогу не хватитъ, рѣшилъ послать безоружнаго зинвора въ село за хлѣбомъ. Зинворъ явился въ село, нашелъ «своего человѣка», но у того какъ разъ было мало хлѣба, просить у другихъ опасно, обратятъ вниманіе—зачѣмъ большой запасъ хлѣба? Зинворъ взялъ нѣсколько хлѣбцевъ и вернулся съ ними къ Вартану. Пришлось помириться съ тѣмъ что есть, и выдавать зинворамъ порціи, какъ можно аккуратнѣе и скупѣе. Двинулись дальше. И вотъ въ одну ночь необходимо было перейти громадное чистое поле. Шли цѣлую ночь, близко разсвѣтъ, до спасительнаго ущелья, гдѣ можно скрыться межъ камней, еще далеко, а солнце вотъ-вотъ взойдетъ и вмѣстѣ съ нимъ выйдутъ на поля люди. Недалеко наполовину курдское, наполовину армянское село Ахорикъ—резиденція одного отряда гамидійцевъ. Какъ быть, съ разсвѣтомъ неминуемо обнаружатъ

и перебьютъ. Вартанъ задумался. Но былъ между его зинворами, впослѣдствіи знаменитый, хумбапетъ Ханъ. Далѣе уже онъ вмѣстѣ съ братомъ сложилъ голову въ стычкѣ съ аскерами, но и теперь имя его звучитъ въ пѣсняхъ армянскихъ пѣвцовъ. Вотъ этотъ-то Ханъ и нашелъ оригинальный выходъ изъ, казалось бы, безвыходнаго положенія. Это было осенью, хлѣбъ былъ уже сжатъ, но еще не обмолоченъ, въ полѣ стояли крупныя копны снопо̀въ. Ханъ предложилъ спрятать зинворовъ въ эти копны. Сказано — сдѣлано. Немедленно сняли вершины двухъ копенъ, устроили внутри помѣщенія, и всѣ зинворы въ самыхъ невозможныхъ положеніяхъ спрятались внутри двухъ копенъ. Трудно придумать болѣе неудобныя позы, чѣмъ тѣ, въ которыхъ пришлось провести цѣлый день зинворамъ. Одному—стоя, опираясь на снопы, другому полу-лежа, третьему, не то сидя, не то верхомъ на снопѣ, но зинворамъ было не до заботъ объ удобствахъ, нужно было спасать головы отъ неминуемой гибели,—были рады и такому убѣжищу.

Когда уже спрятались въ копны, Вартану пришла въ голову простая мысль, что вѣдь, какъ разъ въ этотъ день могутъ взяться за уборку скирдовъ. Но это былъ воскресный день, и Вартанъ, не дѣлясь своими опасеніями съ зинворами (къ чему тревожить?), утѣшалъ себя тѣмъ, что, авось, это армянскій хлѣбъ и въ воскресенье его убирать не будутъ.

Настало утро. Проснулось село. Изъ деревни вышло стадо съ двумя пастухами-курдами. Къ счастью зинворовъ съ пастухами не было собаки, иначе ихъ гибель была бы неизбѣжна. Тихо поигрывая на деревянной трубочкѣ (нѣчто вродѣ свирели) ведетъ пастухъ мимо скирдовъ стадо. Одна корова подошла было къ скирду, въ которомъ спрятались зинворы, хотѣла ущипнуть нѣсколько колосьевъ. Съ крикомъ отогналъ ее пастухъ, и стадо медленно ушло на пастбище. Такъ протянулся весь день, у зинворовъ не было во рту капли воды, мучила жажда, затекли члены. Съ трудомъ забывались нѣкоторые, тревожнымъ сномъ. Прошелъ день, насталъ вечеръ, снова прошло въ село стадо съ тѣми же пастухами-курдами. Настала ночь... Зинворы вышли изъ скирдовъ. Вартанъ приказалъ захватить съ собой нѣсколько снопо̀въ пшеницы. Хлѣба уже не было, рѣшилъ жарить и ѣсть зерна. Взяли снопы изъ середины скирдовъ такъ, чтобы не бросалось въ глаза, привели въ порядокъ скирды и направились къ горѣ Ахорикъ. Вартанъ совершенно ослабѣлъ и въ довершеніе всего у него еще разболѣлась нога—не могъ ступать на пятку. До сихъ поръ онъ не разставался съ своей трехлинейкой и патронташами, теперь все отдалъ зинворамъ, не захотѣлъ отдать только кинжалъ (кинжалы у зинворовъ длинные, прямые, широкіе) и револьверъ крупнаго образца Смитъ-Вессонъ, но и эта ноша тяготила его—едва бредетъ. Къ утру пришли на Ахорикъ. Едва скрылись за скалами, какъ слышатъ на равнинѣ звуки кавалерійскаго рожка, это гамидійцы выѣхали на ученіе, но въ горахъ тихо, безлюдно. Изнуренные долгимъ путемъ, зинворы рѣшили рискнуть идти днемъ. Шли цѣлый день и цѣлую ночь, останавливаясь только пожарить нѣсколько горстей пшеницы, но собственно говоря, слово «шли» мало подходитъ къ движенію зинворовъ: не шли, а едва плелись голодные, изнуренные люди, съ больнымъ, въ жару, да вдобавокъ охромѣвшимъ вождемъ. Наконецъ, къ ночи пришли въ урочище Даседере—это уже Персія, Турція осталась далеко позади, а все же не безопасно—курды могутъ перерѣзать и въ Персіи. Необходимо пройти въ село Вааръ, гдѣ можно пріютить зинворовъ. Никто не знаетъ дороги. Днемъ можетъ быть нашли бы, ночью нѣтъ. Нужно найти проводника.

Вартанъ рѣшилъ отправиться самъ на поиски. Взялъ одного зинвора, спряталъ остальныхъ въ ущеліи, снялъ ружья и патронташи, оставилъ себѣ и спутнику только револьверы, надѣвъ ихъ подъ куртку, чтобы имѣть видъ мирныхъ армянъ, и отправился на поиски. Зинворамъ сказалъ, что сами можетъ быть не смогутъ вернуться, такъ были изнурены, пусть ждутъ проводника, паролемъ будетъ одна изъ армянскихъ боевыхъ пѣсенъ.

Рано утромъ до восхода солнца Вартанъ съ зинворомъ пошли. Нога у Вартана распухла до бедра, двигаетъ ей, какъ полѣномъ, въ глазахъ ходятъ круги, зинворъ тоже изнуренъ до послѣдней степени, еле передвигаетъ ноги. На пути ущелье, ключъ, остановились напиться, припали къ прозрачной студеной водѣ. Вдругъ навстрѣчу изъ-за поворота дороги два курда гонятъ вола, вооружены, у одного—шашка, у другого—кинжалъ. Увидали Вартана, немедленно угрожающе остановились.

— Стой, кто такіе, куда идете, откуда?

— Мы богомольцы—армяне, идемъ изъ монастыря.

— Врете, вы зинворы, идете изъ Вана, мы васъ ограбимъ.

— Попробуйте, отвѣчаетъ Вартанъ, а самъ думаетъ, у нихъ кинжалъ и шашка, у насъ револьверы, но мы еле стоимъ на ногахъ. Однако-же не показалъ, что боится, пошелъ потихоньку своимъ путемъ. Курды остановились, что то поговорили и тоже пошли своей дорогой, вѣроятно, по тону поняли, что добровольно эти два больныхъ человѣка не сдадутся, и побоялись—нѣтъ ли у нихъ револьверовъ. Это было послѣднее приключеніе на пути изъ Вана. Послѣ обѣда добрались до селенія, оказавшагося Вааромъ. Тамъ жилъ пріятель Вартана, но въ эту ми-

нуту его не было дома,—работалъ въ полѣ. Вартанъ приказалъ немедленно послать за нимъ. Пришелъ.

— Бери хлѣба, сыру, табака, иди въ Дасдере—въ ущеліи ждутъ полумертвые отъ голода зинворы, они тебя узнаютъ по пѣснѣ, говоритъ Вартанъ. Тотъ немедленно собралъ все и отправился въ путь.

Слава Богу, думаетъ Вартанъ, моя миссія исполнена, могу отдохнуть, легъ, и немедленно у него начался бредъ. Но въ промежуткахъ бреда этотъ желѣзный человѣкъ не забылъ о голодныхъ товарищахъ, далъ деньги селянамъ, распорядился, чтобы купили козла, закололи и сварили, приготовили сыру, фруктовъ, чаю, сахару, хлѣба. И ночью, черезъ каждые ½ часа—часъ, въ промежуткахъ между бредомъ, онъ слабымъ голосомъ спрашивалъ окружающихъ:

— Не пришли еще?

Зинворы пришли только къ утру. И немедленно сѣли за столъ. Очевидцы разсказываютъ, что они никогда не видали такого аппетита: цѣлаго козла, сумъ массу сыра, хлѣба, фруктовъ—все съѣли и какъ мертвые заснули.

Въ Ваарѣ оставались два дня. Здѣсь узнали о томъ, что другая группа, во главѣ которой были Шеко и Пето (не смѣшивать съ другимъ Пето, убитымъ послѣ рѣзни въ Ванѣ нѣсколькими мѣсяцами раньше) и въ составѣ которой былъ писатель Арамаисъ, послѣ тяжелаго и опаснаго перехода уже пришла въ Персію. Черезъ два дня Вартанъ отправилъ зинворовъ въ Салмастъ, предупредивъ, чтобы имъ приготовили убѣжище, а самъ—въ Хой, а оттуда верхомъ среди бѣла дня въ Дильманъ. Самъ верхомъ ѣхать не могъ — поддерживали на сѣдлѣ. Когда Вартана привезли къ дверямъ прекрасно знавшаго его доктора Оганяна, сняли съ сѣдла и внесли въ комнату, то тотъ не узналъ его.

Нога до того распухла, что пришлось разрѣзать сапогъ и брюки. На слѣдующій день вскрыли нарывъ и выпустили массу гноя. Пропусти Вартанъ еще день и, по словамъ доктора, была бы неизбѣжная смерть отъ заражения крови. Послѣ операціи Вартанъ окончательно свалился. Тифъ взялъ свое и продержалъ его въ постели два мѣсяца. Затѣмъ его перевезли въ Тифлисъ, гдѣ онъ болѣлъ всю зиму, оправился только къ веснѣ и немедленно отправился въ Салмастъ на новую работу—стать по зову товарищей во главѣ Ханасорскаго отряда.

Съ тѣхъ поръ прошло два десятка лѣтъ, и всѣ эти годы Вартанъ не покидалъ поста, всѣ годы боролся за свободу и счастье армянскаго народа. Теперь онъ стоитъ во главѣ одного изъ армянскихъ хумбовъ и вмѣстѣ съ Амазаспомъ, Кери, Дро въ составѣ отряда генерала Н. вступилъ въ Ванъ, уже не крадучись ночью, а среди бѣлаго дня.

Ф. Сибирскій.

Мокскіе армяне (Ванскій вил.).
Фот. М. Цицикіанъ.

Рай.

(*Персидское сказаніе*).

В. Папазьяна.

Съ армянскаго.

У подножья Красныхъ горъ давно-давно, близъ одного персидскаго города, жилъ Абдулъ-ага, владѣлецъ той страны. Дьяволъ сдѣлалъ его злымъ, Богъ же отнялъ у него совѣсть и сердце. Абдулъ-ага былъ очень богатъ. Дворецъ его былъ самымъ красивымъ зданіемъ во всей странѣ. Его славили поэты, на него были обращены всѣ взоры. Однажды, въ одинъ прекрасный день, какой-то дервишъ *), прійдя къ Краснымъ горамъ, усѣлся у дверей дворца Абдула, въ ожиданіи милостыни и просилъ у придворныхъ разрѣшенія видѣться съ владѣльцемъ дворца. Узнавъ о желаніи дервиша, Абдулъ-ага улыбнулся и велѣлъ позвать его къ себѣ, рѣшивъ развлечься пѣніемъ дервиша.

Дервишъ вошелъ во дворецъ, повелъ разсказъ объ Индостанѣ, о величіи персидскихъ шаховъ и сталъ пѣть пѣсни. Развлекшись вдоволь, Абдулъ-ага приказалъ накормить дервиша и сказалъ ему:

— Дервишъ, ты исходилъ много странъ и видѣлъ весь свѣтъ! Пословица говоритъ: „Знаетъ только тотъ, кто много ходилъ, а не тотъ, кто много

*) Дервиши—бродячіе, нищенствующіе монахи въ мусульманскомъ мірѣ, распадающіеся на множество орденовъ.

жилъ." Пойдемъ! Я покажу тебѣ свой дворецъ и свои сокровища. Понравятся ли они тебѣ?

Абдулъ-ага повелъ дервиша, показалъ ему залы съ зеркальными стѣнами, полами изъ разноцвѣтныхъ камней, диванъ ханэ, **), гаремъ и своихъ одалисокъ ***), затѣмъ направился во дворъ, гдѣ показалъ свои конюшни, съ прекрасными скакунами, погреба, склады и амбары. Все это дервишъ нашелъ богатымъ и прекраснымъ. Абдулъ-ага повелъ его еще въ паркъ и показалъ ему чудные бассейны, роскошныя деревья и причудливыя цвѣточныя клумбы. Осмотрѣвъ все хладнокровно, дервишъ, остановившись въ раздумiи, произнесъ:

— Сынъ мой, Абдулъ-ага, все это прекрасно! Полны твои амбары, красивы и привлекательны твои женщины, превосходенъ паркъ и роскошенъ дворецъ. Половины твоихъ богатствъ не имѣетъ ни одинъ изъ индѣйскихъ царей... Но скажи мнѣ, что это такое вотъ тамъ-то?

Дервишъ указалъ ему на виднѣющiяся невдалекѣ за стѣнами парка развалины.

— Это?—улыбаясь спросилъ Абдулъ-ага. Это я приказалъ разрушить деревни, такъ какъ я предполагаю увеличить свой паркъ.

— А что сталось съ жителями этихъ развалинъ?

— Я выгналъ ихъ; вѣдь земля принадлежитъ мнѣ, такъ я выгналъ ихъ подальше отсюда.

— Куда же они ушли?

— Не знаю.

— А я знаю,—сказалъ дервишъ.—Вчера я проходилъ мимо одной рѣки... Несчастные, изнуренные голодомъ, люди, словно помѣшанные, толпами набросились на меня и отняли у меня послѣднiй кусокъ хлѣба...

— Ахъ, какiе они злодѣи, эти оборванцы,—улыбнулся Абдулъ-ага.

Поднявъ вверхъ глаза, словно молясь, дервишъ вывелъ Абдулъ-ага за паркъ и, указавъ ему на виднѣющiяся вдали деревни, спросилъ:

— Это твои деревни?

— Да, мои, отвѣтилъ Абдулъ-ага.

— А я шелъ той стороной... Въ этихъ деревняхъ еще остались нѣсколько коровъ и овецъ.

— Ужель, воскликнулъ Абдулъ-ага; а вѣдь они мнѣ еще не внесли всѣхъ податей. Я прикажу своему управляющему взыскать съ нихъ.

— Но тамъ прiютились люди, нуждающiеся даже въ черствомъ черномъ кускѣ хлѣба, замѣтилъ дервишъ.

Затѣмъ, направившись къ воротамъ парка и глубоко задумавшись, дервишъ взглянулъ на владѣльца страны и прибавилъ:

— Абдулъ, твой дворецъ и паркъ прекрасны. ты богатъ, но не достаетъ тебѣ самого главнаго. Ты не сдѣлалъ никому добра. Хорошо бы было тебѣ вонъ тамъ (дервишъ указалъ на деревни) воздвигнуть земной рай для людей... Ты сталъ бы единственнымъ человѣкомъ, который владѣетъ дворцомъ-раемъ.

Сказавъ это, дервишъ благословилъ Абдулъ-ага, положилъ въ свою котомку кусочекъ хлѣба и, не оглядываясь назадъ, вышелъ изъ дворца и владѣнiй Абдулъ-аги.

* * *

Абдулъ-ага долго думалъ надъ тѣмъ, что сказалъ дервишъ. Ужели, въ самомъ дѣлѣ, можно создать рай на землѣ? Онъ призвалъ къ себѣ стараго слугу и разсказалъ ему о случившемся, велѣлъ скорѣе осѣдлать коня, догнать дервиша и спросить у него, какъ устроить рай. Слуга поѣхалъ, нагналъ дервиша и передалъ ему приказъ Абдулъ-аги. Дервишъ, улыбнувшись, пропѣлъ ему:

— Сынъ мой, неужели ты не видѣлъ столовъ безъ хлѣба, неужели ты не видѣлъ слезъ женщинъ, мужчинъ и дѣтей?

Запомнивъ эти слова, слуга повернулъ коня, вернулся домой и разсказалъ обо всемъ своему господину.

Абдулъ-ага сначала удивился разсказу слуги, но затѣмъ расхохотался.

— Дервишъ глупъ! сказалъ онъ.—Я уже надумалъ и устрою рай.

Абдулъ-ага распорядился водвигнуть „рай". Онъ приказалъ разрушить всѣ дома въ деревнѣ, разогнать всѣхъ жителей, оставивъ ихъ подъ открытымъ небомъ умирать съ голоду, отнять у нихъ землю, а ихъ подъ страхомъ плетей, заставлять даромъ работать. Онъ началъ насаждать громадный садъ—сооружать рай...

Въ этомъ саду Абдулъ-ага выстроилъ для себя дворецъ, устроилъ фонтаны, аллеи, клумбы, насадилъ рѣдкiя растенiя и воздвигнулъ павильоны.

Изгнанный-же народъ, окруживъ этотъ садъ, умирая съ голоду, кричалъ: „Дайте намъ хлѣба!"

Прошло много времени. Однажды Абдулъ-ага вздумалъ со своими друзьями, знакомыми и домочадцами посѣтить „рай" и провести время... Подойдя къ саду, онъ приказалъ плетьми разогнать толпу людей, просившихъ хлѣба. Не успѣлъ Абдулъ-ага ступить ногой за порогъ калитки сада, какъ вдругъ потемнѣло небо, загремѣлъ громъ, сотряслась земля спустилась густая мгла, окутавшая все. Молнiя прорѣзала тучи. Крики ужаса, шумъ и грохотъ огласили воздухъ... Когда разсѣялся туманъ, всѣ увидѣли, что дворцы, павильоны и фонтаны „рая" Абдулъ-аги уничтожены и сравнены съ землей... Даже не осталось слѣда отъ богатства, залитаго кровью... На мѣстѣ „рая" образовалось обширное поле, и удивленная жалкая толпа бродила по нему. Такъ погибли самъ Абдулъ-ага, его жены, слуги и окружавшiе его какъ старые, такъ и молодые...

Такъ былъ наказанъ Богомъ Абдулъ-ага. Народъ, освободившись отъ Абдулъ-аги и его слугъ, сталъ обрабатывать землю, построилъ себѣ дома и началъ вести мирную и спокойную жизнь.

Послѣ катастрофы съ Абдулъ-ага тотъ же дервишъ, проходя однажды по этимъ мѣстамъ, видя благоденствiе жителей, избавившихся отъ притѣсненiй, произнесъ съ умиленiемъ:

— Взамѣнъ рая Абдулъ-ага сотворилъ адъ и самъ погибъ въ о[illegible]ѣ его, только съ его смертью наступилъ рай.

Затѣмъ, поставивъ столбъ, обтесавъ доску и прибивъ ее къ столбу, написалъ на ней:

**) Гостиная.

*** (Одалиска—наложница.

— „Не Абдулъ-ага, сдѣлавшій народъ несчастнымъ, воздвигъ здѣсь рай, а самъ Богъ сотворилъ его, чтобы избавить мучениковъ отъ Абдула".

Перевелъ съ армянскаго *А. Поповъ.*

Пѣсни Рая.

На небѣ рай, на землѣ Ванъ.

1. Садъ.

Садъ весенній, садъ цвѣтущій,
Страшно мнѣ
Подъ твои спускаться кущи
Въ тишинѣ.
Здѣсь любили, цѣловались,—
Ихъ ужъ нѣтъ.
Вотъ деревья вновь убрались
Въ бѣлый цвѣтъ.
Что мнѣ дѣлать! Не смогу я,
Нѣту силъ
Всѣхъ вернуть сюда, ликуя,
Кто здѣсь жилъ.
Изъ колодца вѣкового
Не достать,
У родного павшихъ крова,
Дочь и мать.
Не придутъ со дна ущелья
Сынъ съ отцомъ.
Жутко вешнее веселье,
Смерть кругомъ.
Я не зналъ васъ, дѣти муки,
Но люблю
И хожу, ломая руки,
И пою.
Не завѣтныя молитвы
Бытія:
Пѣсни мщенія и битвы
Жгутъ меня.
Но изъ пламени той пѣсни,
Изъ костра,
Вдругъ шепчу, молю: воскресни,
Братъ, сестра!
Вѣтвь беру я снѣговую
Съ высоты
И въ слезахъ цвѣты цѣлую,
Ихъ цвѣты.

———

2. Гдѣ они?

Вишенье, яблонье, алое, бѣлое,
Скорбно стоитъ, какъ во снѣ онѣмѣлое.

Въ этомъ весеннемъ, цвѣтущемъ саду
Жарко сказала невѣста: приду.

Полувѣнцами цвѣтенье склоняется,
Тихо качается, не улыбается.

Въ этомъ саду подарила она
Свой поцѣлуй, молодая жена.

Запахомъ нѣжнымъ, душистымъ дыханьемъ
Садъ затомилъ и замучилъ молчаньемъ.

Здѣсь она съ томной улыбкою шла,
Древнее сѣмя стыдливо несла.

Въ цвѣтики бѣлые, домики нѣжные,
Пчелы за медомъ влетаютъ прилежныя.

Помните, вѣтки, счастливую мать?
Здѣсь она сына любила качать.

Гдѣ они, садъ мой цвѣтущій, сіяющій,
Гдѣ они, рай, въ цвѣту замирающій?

Гдѣ же хозяинъ заботливый твой,
Мать молодая, ребенокъ живой?

Мать и отецъ, и ребенокъ съ глазенками,
Словно двѣ вишни, съ лацонями звонкими?

Всѣ лепестки тише смерти молчатъ.
Садъ мой жемчужный, печальный мой садъ!.

3. Руки дѣвы.

Она упала у двери дома
Руками къ саду, гдѣ тишь и дрема.

Надъ нею курды другъ друга били
Надъ ней глумились, ее убили.

Погибнулъ городъ въ пожарѣ аломъ,
Укрылся пепломъ, уснулъ устало.

Но жизнь земная непобѣдима.
Весна напала на смерть незримо.

Ее убила цвѣтами рая
И разувѣряетъ, смѣясь, играя.

Въ саду жемчужномъ иду во мракѣ
И чую жизни угасшей знаки.

И вижу руки давно убитой,
Въ саду зарытой, давно забытой.

Сіяютъ руки въ цвѣтеньѣ бѣломъ,
Зовутъ въ объятья движеньемъ смѣлымъ.

Я къ нимъ бросаюсь, ихъ волѣ внемлю.
Онѣ, сіяя, уходятъ въ землю.

Къ землѣ склоняюсь—трава ночная
Молчитъ сурово, росу роняя.

4. Ванъ.

Душа, огромная, какъ море,
Дыша, какъ вѣтеръ надъ вулканомъ,
Вдыхаетъ огненное горе
Надъ разоренным раемъ, Ваномъ.

Какое жертвенное счастье,
Какое сладкое мученье
Въ народной гибели участье,
Съ тѣнями скорбными общенье!

Еще я могъ пробыть съ живыми
При свѣтѣ солнца, въ полдень знойный,
Но надъ садами горевыми
Поднялся ликъ луны спокойный.

Непобѣдимое сіянье
И неподвижныя руины
Развалинъ жуткое зіянье
И свистъ немолчный, соловьиный.

Луна лавины свѣта рушитъ.
Въ садахъ, отъ лепестковъ дремотныхъ
Исходитъ ладанъ, душу душитъ.
Среди цвѣтовъ—толпа безплотныхъ.

Они проходятъ вереницей,
И каждый въ домъ былой заходитъ
Какъ узникъ связанный съ темницей,
Межъ стѣнъ обуглившихся бродитъ.

Ихъ, лучезарныхъ, много-много,
Что бѣлыхъ звѣздъ подъ небесами.
Иной присядетъ у порога,
Иной прильнетъ къ нему устами.

Рыданье сердца заглушая,
Хожу я съ ними, между ними.
Душа, какъ звѣздный сводъ, большая,
Поетъ народа скорби имя.

Сергѣй Городецкій.

Ванъ.
v.916.

Ванская газелла.

Гдѣ-то далеко кукуетъ кукушка,
Жутко мнѣ, жутко въ ночной тишинѣ,—
Плачетъ надъ трупомъ армянка-старушка,
Плачетъ старушка въ ночной тишинѣ.
Въ городѣ пусто, мертво, одиноко,—
Дремлютъ руины въ ночной тишинѣ,—
Жуткое пѣніе, пѣніе рока,—
Въ городѣ мертвомъ въ ночной тишинѣ.

Ванъ. Александръ Кушлю.

Армяне и Шекспиръ.

(Отъ нашего лондонскаго корреспондента).

Недавно здѣсь въ маломъ залѣ «Queen's Hall» состоялся многолюдный митингъ, устроенный лондонскимъ армянскимъ литературнымъ кружкомъ по случаю 300-лѣтія со дня кончины Шекспира. Предсѣдательствовалъ лордъ Брайсъ, давнишній другъ Арменіи и, вообще, всѣхъ порабощенныхъ народностей. Лордъ Брайсъ уже болѣе сорока лѣтъ принимаетъ большое участіе въ судьбахъ армянскаго народа.

Въ вступительной рѣчи Брайсъ сказалъ, что армяне, чествуя національнаго генія Англіи тѣмъ самымъ показываютъ лишній разъ, что они сами —нація поэтовъ, имѣющая право гордиться своей собственной древней литературой, существовавшей еще въ тѣ времена, когда вся Европа была погружена въ мракъ. Арменія, чьи трагическія переживанія давали обильный матеріалъ для фантазіи поэтовъ, еще тогда владѣла могучимъ и выразительнымъ языкомъ, богатымъ формами.

Послѣ него выступилъ Ованесъ Ханъ Масеянъ, бывшій персидскій посланникъ въ Берлинѣ. Масеянъ, какъ извѣстно, перевелъ съ подлинника на армянскій языкъ двѣнадцать пьесъ Шекспира, наиболѣе подходящихъ, по его мнѣнію, для армянской сцены («Гамлетъ», «Отелло», «Ромео и Джульета», «Макбетъ». «Какъ вамъ угодно» и т. д.). Масеянъ недавно прибылъ въ Англію для участія въ чествованіи Шекспира и, между прочимъ, произнесъ рѣчь на празднествахъ, устроенныхъ англійскимъ комитетомъ въ Стратфордѣ на Эвонѣ и въ лондонскомъ «Mansion House».

Масеянъ выразилъ признательность отъ имени армянъ англійскому генію, указалъ какъ велико было его вліяніе въ дѣлѣ развитія армянскаго театра.

Съ небольшой рѣчью выступилъ архіепископъ Ютуджіанъ, спеціально приглашенный изъ Манчестера для этого вечера. (Какъ извѣстно въ Манчестерѣ находится единственная въ Великобританіи армянская церковь).

Художница и поэтесса Забелъ Бояджянъ, готовящая къ печати сборникъ армянскихъ поэтовъ на англійскомъ языкѣ, сказала, что современный укладъ мышленія армянскаго общества имѣетъ много сходства съ міровоззрѣніемъ англичанъ Елисаветинскаго періода и поэтому многіе типы Шекспира говорятъ сердцу армянъ не меньше чѣмъ—англичанъ.

Послѣ нея говорилъ Арамъ Раффи, иниціаторъ и главный организаторъ этого чествованія. Онъ указалъ на любовь армянъ къ театру. Армянская сцена существовала раньше Рождества Христова. Когда побѣдоносные легіоны Лукулла вступили въ столицу Арменіи Тигранакертъ, то къ ихъ великому изумленію нашли тамъ театръ, гдѣ армянскіе артисты были заняты исполненіемъ какой-то стихотворной трагедіи.

Одинъ изъ армянскихъ царей (Артаваздъ I) былъ, по словамъ Плутарха, авторомъ пьесъ. Армяне, несмотря на всѣ преслѣдованія остались вѣрными этой любви къ театральному искусству, они же ввели впервые театральныя представленія въ Турцію и въ Персію. Конечно такой геній какъ Шекспиръ не могъ остаться незамѣченнымъ для армянъ и какъ только наступило у нихъ возрожденіе культурной жизни, они сейчасъ же взялись за постановку его пьесъ. Хотя первые переводы Шекспира появились на армянскомъ языкѣ лишь во второй половинѣ прошлаго столѣтія, но армяне, владѣющіе многими языками были знакомы съ пьесами великаго драматурга задолго до этого. Такъ, напримѣръ, въ одной армянской книгѣ («Цвѣтокъ познанья»), вышедшей въ концѣ семнадцатаго вѣка, мы находимъ упоминаніе о пьесахъ Шекспира. Затѣмъ Раффи указалъ на заслуги армянскихъ артистовъ г-жи Сирануйшъ и П. Адаміана (въ особенности послѣдняго), сдѣлавшихъ своимъ дивнымъ исполненіемъ героевъ Шекспира такими близкими армянской публикѣ, и воздалъ должное отличнымъ переводамъ Масеяна.

Произнесла нѣсколько словъ и миссъ Робинсонъ, дочь бывшаго редактора-издателя «Daily News» сэра Джона Робинсона. Миссъ Робинсонъ состоитъ секретаремъ здѣшняго армянскаго Краснаго Креста и много поработала для облегченія участи армянскихъ бѣженцевъ.

Шумными, долго несмолкавшими аплодисментами встрѣтила зала появленіе на эстрадѣ сэра Сиднея Ли (Sor Sidney Lee), книга котораго о Шекспирѣ («The Life of Shakespeare») давно признана капитальнымъ классическимъ трудомъ для изученія великаго поэта. Сидней Ли—если не ошибаюсь—получилъ титулъ баронета именно за этотъ замѣчательный трудъ. Онъ сказалъ, что хотя Шекспиръ армянъ не зналъ и объ Арменіи, какъ странѣ, упоминаетъ всего разъ или два въ «Антоніи и Клеопатрѣ», но армяне, устроивъ это чествованіе, наглядно подтвердили общечеловѣчность генія Шекспира.

Говорили еще: извѣстный литераторъ Эрнестъ (Ernest Rhyce), редакторъ издательства «Weryman's Library», выпустившаго болѣе тысячи томовъ и профессоръ Фриманъ.

Карапетъ Акопянъ (или профессоръ Акопянъ, какъ его называютъ всѣ), старѣйшина армянской колоніи въ Англіи и членъ Королевскаго Азіатскаго Общества, много способствовавшій своими статьями и рѣчами ознакомленію англичанъ съ армянскимъ вопросомъ, благодарилъ на безукоризненномъ англійскомъ языкѣ устроителей и участниковъ этого вечера.

Были прочитаны привѣтственныя посланія отъ слѣдующихъ лицъ: бывшаго намѣстника въ Египтѣ лорда Кромера, лорда Керзона, лорда Морлея, лорда Гладстона, извѣстнаго оріенталиста В. М. Рамзея, Ноеля Бакстона, извѣстнаго литератора Эдмонда Госсе, редактора «The Fortnightly Reveew» Куртенея, Т. П. О'Коннора, профессора восточныхъ языковъ въ Оксфордскомъ Университетѣ Маргуліуса, извѣстной артистки Эленъ Терри и отъ другихъ.

М. Адамовъ.

Итоги земскаго совѣщанія и взаимоотношенія группъ.

I.

7-го мая закрылось земское совѣщаніе въ Тифлисѣ. О составѣ его уже были сообщенія въ печати. Не будемъ на немъ долго останавливаться. Крестьяне совершенно отсутствовали, если не считать двухъ представителей отъ русскихъ колонистовъ-переселенцевъ. Грузинскій народъ былъ представленъ почти исключительно дворянствомъ. Мусульмане — беками и ханами. Армяне имѣли смѣшанный составъ: тутъ были и землевладѣльцы, и представители торгово-промышленнаго класса и разночинной интеллигенціи. Русскіе были представлены губернской администраціей. Общественныхъ дѣятелей было очень мало.

Сословные интересы соединили грузинскихъ и мусульманскихъ представителей въ одну группу. Этому вѣроятно немало способствовала и та кампанія въ пользу сближенія татарскаго и грузинскаго народовъ, которую вела націоналистическая грузинская печать съ осени прошлаго года.

Этотъ союзъ, вначалѣ платоническій, далъ на земскомъ совѣщаніи реальные плоды. По всѣмъ вопросамъ грузино-мусульманскій дворянскій союзъ провелъ свои резолюціи. Съ нимъ же вмѣстѣ голосовала по многимъ вопросамъ подавляющая часть провинціальной администраціи. Армянское меньшинство, къ которому иногда присоединялись нѣкоторые изъ русскихъ, принуждено было по наиболѣе важнымъ вопросамъ подавать свои особыя мнѣнія, которыя, съ отвѣтами большинства, оглашались въ пленарныхъ собраніяхъ и прилагались къ протоколамъ.

Работы велись главнымъ образомъ въ секціяхъ. На пленарныхъ же засѣданіяхъ говорили мало. Голосовались вопросы и оглашались особыя мнѣнія.

Съ самаго же начала обнаружилось упорное нежеланіе грузино-мусульманскаго дворянскаго блока обсуждать земское положеніе 1890 г. и вносить въ него измѣненія. Одинъ изъ представителей мусульманъ (ханъ Хойскій) предложилъ принять дѣйствующее земское положеніе безъ всякихъ измѣненій. Дѣло дошло до того, что рѣшили даже не оглашать особыхъ мнѣній. И только вмѣшательство Его Императорскаго Высочества Намѣстника Кавказскаго дало возможность меньшинству высказать свои соображенія. Вообще въ средѣ большинства царило довольно странное настроеніе: администрація сама предлагала не стѣсняться, критиковать дѣйствующее положеніе, «не оставлять въ немъ камня на камнѣ», какъ выразился одинъ изъ ея представителей. Но «представители общества» не желали пользоваться этой свободой. Критика, требованіе измѣненій, говорили эти господа, затормозятъ дѣло, отсрочатъ реформу. Правда, дворянскому большинству не всегда удавалось оставаться на этой формальной точкѣ зрѣнія. Незамѣтно для себя самихъ, представители его вступали въ споръ по существу и защищали основные принципы Положенія: сословность, куріальную систему выборовъ, земельный цензъ, исключеніе торгово-промышленнаго класса и проч. Ни для кого не осталось тайной, что дворянство серьезно намѣревалось добиться сословнаго земства и обезпечить себѣ въ немъ руководящее положеніе.

Первый вопросъ, вызвавшій страстные споры, касался земскихъ единицъ, или, какъ неправильно у насъ называютъ, типа земства. Нужно ли ввести у насъ уѣздныя и губернскія земства, или необходимо замѣнить ихъ другими единицами?

Грузино-мусульманское большинство и масса администраціи стояли за единицы, на которыхъ построено русское земство. Армянское меньшинство, не возражая имъ относительно другихъ губерній, находило, что для Эриванской и Елисаветпольской губерній необходимо создать другія единицы. Таковыми они считали агрономическіе участки, созданные въ Елисаветпольской губ. для удобствъ земской агрономіи. Эти участки имѣютъ преимущества передъ современными уѣздами съ двухъ точекъ зрѣнія: сельско-хозяйственной и этнографи-

ческой. Съ естественно-экономической стороны наши уѣзды совершенно искусственны. Въ нихъ мѣстности съ зерновымъ и альпiйскимъ хозяйствомъ соединены съ знойными равнинами, гдѣ произрастаютъ культурныя растенія: виноградъ, хлопокъ, рисъ, и гдѣ сельско-хозяйственная жизнь регулируется системой искусственнаго орошенія. Агрономичекіе участки, какъ основа земской цивилизаціи,—т. е. тотъ планъ, который отстаивало меньшинство,—устраняютъ это неудобство. Благодаря имъ создаются хозяйственно-однородныя единицы, и облегчается организація агрономической помощи, которая, при разнообразіи кавказскаго сельскаго хозяйства, должна быть спеціализирована.

Такихъ хозяйственно-однородныхъ участковъ создаются въ Елисаветпольской губ. 12 (вмѣсто 8 уѣздовъ) и въ Эриванской 11 (вмѣсто 7 уѣздовъ). О преимуществахъ такихъ участковъ обстоятельно говоритъ мотивированное особое мнѣніе меньшинства. То же особое мнѣніе отмѣчаетъ и другое удобство, представляемое этими участками. Это — большая этнографическая однородность ихъ. Одни участки оказываются по преимуществу армянскими, другіе—татарскими. Къ сожалѣнію, атмосфера на совѣщаніи была такова, что нельзя было обстоятельно и серьезно остановиться на этомъ серьезномъ вопросѣ.

Дѣло въ томъ, что благодаря искусственному, безсистемному административному дѣленію нашего края на губерніи и уѣзды, территоріи армянскаго и мусульманскаго большинства были перемѣшаны. Такъ, армянское большинство подѣлено между четырьмя губерніями: Эриванской, Елисаветпольской, Тифлисской и Карской. Создалось такое положеніе, что только въ Эриванской губ. армянское населеніе составляетъ большинство. Въ остальныхъ губерніяхъ районы армянскаго большинства искусственно соединены съ районами мусульманскаго большинства. Каждый уѣздъ Елисаветпольской губ. состоитъ изъ двухъ половинъ: возвышенной армянской и равнинной мусульманской.

То же самое приблизительно наблюдается въ Тифлисской губ. Южная часть ея — цѣлый Ахалкалакскій уѣздъ и значительная часть Борчалинскаго уѣзда представляютъ горную территорію съ сплошнымъ армянскимъ населеніемъ.

Въ результатѣ и въ Тифлисской и въ Елисаветпольской губ. армяне оказываются въ меньшинствѣ. Такъ, благодаря дефектамъ административнаго дѣленія, въ значительной мѣрѣ поддерживается распространенное мнѣніе о чрезвычайной разбросанности армянскаго населенія.

Цѣлесообразнѣе всего было бы, конечно, присоединеніе къ Эриванской губ. этихъ смежныхъ съ нею частей сосѣднихъ губерній. Земская реформа не есть временная мѣра. Она должна оказать огромное вліяніе на всю мѣстную жизнь. Въ сравненіи съ этой великой реформой, предварительная административная перекройка должна быть признана дѣломъ легкимъ. Уже въ настоящее время, когда населеніе не принимаетъ никакого участія въ руководительствѣ мѣстнымъ хозяйствомъ, ненормальности административныхъ дѣленій даютъ себя остро и больно чувствовать. Нѣтъ сомнѣнія, что отношенія должны еще больше обостриться, когда населеніе будетъ призвано къ управленію своими дѣлами.

Но армянскіе представители на совѣщаніи не пошли такъ далеко. Они не возражали противъ сохраненія въ цѣлости не только Тифлисской, но и Елисаветпольской губ. Они не требовали коренныхъ измѣненій въ административныхъ дѣленіяхъ. Армяне просили только создать въ Эриванской и Елисаветпольской губ. вмѣсто уѣздныхъ земскихъ единицъ, районныя, примѣнительно къ сельско-хозяйственнымъ и этнографическимъ условіямъ.

Если бы ихъ предложенія были приняты, въ Елисаветпольской губ. образовалось бы 12 районныхъ земствъ, изъ которыхъ въ 5-ти преобладали бы армяне, а въ 7-ми татары. Въ губернскомъ земствѣ преобладаніе опять было бы на сторонѣ татаръ. Въ Эриванской губ. получилось бы 11 районовъ, 6 армянскихъ и 5 татарскихъ. Если имѣть въ виду численное преобладаніе армянъ въ Эриванской губ., то придется признать, что раздѣленіе ея на районы даже усилитъ представительство мусульманъ. Но даже эти скромныя предложенія были отвергнуты грузино-татарскимъ большинствомъ.

Несмотря на уступчивость со стороны армянъ относительно Тифлисской губ. съ ея 400-тысячнымъ армянскимъ населеніемъ, грузинскіе представители нашли однако же возможнымъ поддерживать искусственное преобладаніе татаръ въ Елисаветпольской и Эриванской губ. Почему грузинское дворянство было заинтересовано, чтобы армяне были подавлены даже въ исконныхъ армянскихъ областяхъ, мы не могли понять.

А. Шахатунянъ.

КАВКАЗСКIЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

Кн. Г. М. Тумановъ.

Замѣтки для „Армянск. Вѣстника".

I.

Въ виду того обстоятельства, что одинъ изъ корпусныхъ командировъ кавказской арміи, генералъ Т. пригласилъ къ себѣ въ качествѣ переводчика проф. турецкаго языка въ спеціальныхъ классахъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ, В. А. Гордлевскаго, Императорское Московское Археологическое общество въ засѣданіи своемъ отъ 3 мая сего года, постановило: поручить проф. Гордлевскому произвести археологическія изысканія въ Турецкой Арменіи въ занятыхъ нашими войсками мѣстахъ и собирать памятники армянской, турецкой старины, устныя и письменныя преданія народнаго творчества, на что ассигновало ему 500 рублей. Еще до настоящей войны В. А. Гордлевскій нѣсколько лѣтъ подрядъ совершалъ лѣтнія поѣздки по Малой Азіи и собралъ богатый этнографическій матеріалъ изъ жизни и обычаевъ турокъ, армянъ, курдовъ и персовъ, о чемъ въ свое время онъ докладывалъ въ засѣданіяхъ Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и Этнографическомъ отдѣленіи Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи.

2.

Императорская Академія Наукъ, видя прекрасные результаты археологическаго путешествія С. Теръ-Аветисьяна въ Ванскую область, откуда имъ были вывезены 1500 армянскихъ рукописей, нѣсколько клинообразныхъ надписей и только 18 мусульманскихъ рукописей, вторично командировала г. Теръ-Аветисьяна съ той же цѣлью въ другія области покоренной нашими войсками турецкой Арменіи. Мая 2-го дня г. Теръ-Аветисьянъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ Эрзерумъ, откуда онъ направился въ Мушъ и Битлисъ (Мшакъ. № 96).

Въ первую поѣздку свою въ Ванъ г. Теръ-Аветисьянъ, какъ мы выше замѣтили, нашелъ только 18 мусульманскихъ рукописей. Такое ничтожное количество послѣднихъ можно объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что, вѣроятно, собираніе мусульманскихъ памятниковъ не входило въ программу, выработанную академикомъ Н. Я. Марромъ, который ограничился лишь областью своей спеціальности. Слѣдовало бы не упускать изъ виду памятники и другихъ народностей, какъ-то: рукописи турецкія, сирійскія, арабскія и даже персидскія. Весьма желательно указанные пробѣлы пополнить хотя бы въ эту поѣздку и сдѣлать ее болѣе продуктивной. Поѣздки такого характера не часто совершаются, и потому въ цѣляхъ археологіи необходимо обратить вниманіе на всѣ древніе памятники, попадающіеся ученому путешественнику на пути его слѣдованія изъ одного мѣста въ другое, съ точнымъ указаніемъ мѣста нахожденія памятника отъ извѣстнаго пункта.

Х. Кучукъ-Іоаннесовъ.

ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЙ.

Офиціальное сообщеніе отъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

За недѣлю.

9-го іюня.

Безъ перемѣнъ.

10-го іюня.

Безъ перемѣнъ.

11-го іюня.

На трапезундскомъ участкѣ, въ районѣ горы Мадуръ-Тепе, турки на разсвѣтѣ 9-го іюня перешли въ наступленіе, которое было отбито нашими передовыми частями съ большимъ для турокъ урономъ. Кромѣ того, турки оставили въ нашихъ рукахъ нѣсколько десятковъ плѣнныхъ.

12-го іюня.

Наступленіе турокъ въ ночь на 10-е іюня къ западу отъ Платаны отбито огнемъ.

Тогда же турки вытѣснили насъ изъ монастыря Госпидіесъ, въ районѣ Дживизлыка; но затѣмъ нашей контръ-атакой были выбиты изъ него.

Всѣ дальнѣйшія атаки противника отражены съ большими для него потерями.

Также отбиты всѣ турецкія атаки въ районѣ къ юго-востоку отъ Дживизлыка; гдѣ мы захватили плѣнныхъ и много оружія.

13-го іюня.

Ночныя атаки турокъ на трапезундскомъ участкѣ; въ районахъ Платаны и Дживизлыка; отбиты огнемъ, а мѣстами ручными гранатами.

На правомъ берегу рѣки Евфрата (Мурадъ-Чая) турки на разсвѣтѣ перешли въ наступленіе и захватили высоту въ районѣ селенія Нурика, но около полудня были оттуда нами выбиты.

Въ сѣверной Месопотаміи непріятель, послѣ подготовки огнемъ, повелъ наступленіе на Ревандузъ и захватилъ было участокъ нашей позиціи, но былъ затѣмъ отброшенъ назадъ нашей штыковой контръ-атакой; оставивъ вблизи нашихъ укрѣпленій убитыхъ и раненыхъ.

На багдадскомъ направленіи наступленіе турокъ легко сдерживается нашими войсками, наносящими большія потери противнику.

14-го іюня.

Попытки турокъ при поддержкѣ артиллерійскаго огня перейти черезъ р. Масла-Дараси, впадающую справа въ р. Евфратъ (у сел. Нурика), были нами отражены.

На моссульскомъ направленіи, въ районѣ Бане, наши войска сбили противника съ занимаемыхъ имъ позицій и оттѣснили его къ западу.

15-го іюня.

Къ югу отъ Урмійскаго озера турки отброшены изъ района мѣстечка Банэ къ персидско-турецкой границѣ. На Багдадаскомъ направленіи турецкія войска опрокинуты нами и оттѣснены въ районъ укрѣпленія Калай-Шахинъ.

Помощь Америки армянамъ.

«Мшаку» изъ достовѣрныхъ источниковъ сообщаютъ:

Турецкое правительство въ лицѣ министра Талаать-бея уступило американскому правительству, требовавшему дать возможность американскому народу безпрепятственно оказывать помощь армянамъ, высланнымъ изъ разныхъ областей Турецкой Арменіи въ Сирію и Месопотамію. Благотворительный институтъ Рокфеллера вновь отпустилъ 150,000 р. для оказанія помощи пострадавшимъ армянамъ въ Константинополѣ, Месопотаміи и на Кавказѣ. Какъ извѣстно, этотъ институтъ раньше далъ еще 600,000 руб. на ту же цѣль. Всего, значитъ, 750,000 руб.

Для оказанія помощи армянамъ-бѣженцамъ въ Нью-Іоркѣ недавно образовалось общество, состоящее изъ выдающихся дамъ. Это общество будетъ помогать исключительно армянамъ, выселеннымъ въ Месопотамію и Сирію.

Помощь англичанъ.

«Оризону» сообщаютъ изъ Сарыкамыша:

«Изъ Эрзерума вернулся Гарольдъ Бекстонъ вмѣстѣ съ г. А. Сафрастяномъ. Въ Эрзерумѣ г. Бекстонъ открываетъ пріютъ для 100 армянскихъ сиротъ. Генералъ Калитинъ любезно согласился взять этотъ пріютъ подъ свое покровительство. По мнѣнію послѣдняго, наиболѣе подходящимъ лицомъ для должности завѣдующаго пріютомъ является г. Р. Зорянъ, который и приглашается. Всѣ расходы на содержаніе пріюта беретъ на себя такъ называемый «Фондъ лондонскаго лорда-мэра для армянъ-бѣженцевъ».

Ходъ военныхъ событій на Кавказскомъ фронтѣ.

II.

(Курды въ армянскихъ горныхъ ущельяхъ).

Курды оказываютъ величайшія услуги отступающей турецкой арміи.

Доказательствомъ этой мысли могутъ быть послѣднія телеграфныя извѣстія, которыя подтверждаютъ разбои курдовъ въ районахъ Мелязгертъ и Алашкарта. Они вылѣзаютъ изъ своихъ норъ и грабятъ и убиваютъ не только возвращающихся бѣженцевъ-армянъ, но и русскихъ солдатъ.

Курды, изъявляютъ ли покорность или нѣтъ,—это безразлично, они никогда не откажутся отъ своего звѣрскаго права, полученнаго ими по наслѣдству. Безъ убійствъ и грабежей курдъ не въ состояніи жить.

Мы съ дѣтства живемъ рядомъ съ курдами, мы старались создать съ ними хорошія отношенія, но они продолжали насъ рѣзать, хотя всегда признавали добро, которое мы имъ дѣлаемъ.

Курды пріютились почти на всѣхъ неприступныхъ горныхъ тѣснинахъ «Арменіи». По многочисленнымъ горнымъ проходамъ они сообщаются со своими соплеменниками, живущими на пространствѣ отъ Сиваза и Киликіи до Месопотаміи. Всѣ эти тропы хорошо извѣстны курдамъ, такъ какъ они въ году нѣсколько разъ перевозятъ по нимъ въ Сирію и Месопотамію стада и другое награбленное добро.

И теперь, когда какому-нибудь казачьему полку удается добраться до такихъ высотъ Арменіи, курды прячутъ сейчасъ же свои ружья и сами, босые, съ опущенной головой выходятъ имъ навстрѣчу изъ своихъ избушекъ, и когда удаляются казаки, они принимаются снова за свое старое излюбленное ремесло...

КОМАНДИРЪ ОДНОЙ ИЗЪ АРМЯНСКИХЪ ДРУЖИНЪ

Князь Аргутинскій.

Я самъ видѣлъ много гамидійцевъ, которые бросались навстрѣчу казакамъ и покорно цѣловали копыта ихъ лошадей. Затѣмъ тѣ же курды, при дальнѣйшемъ наступленіи русскихъ войскъ или при всякомъ иномъ удобномъ случаѣ, въ тылу русскихъ войскъ творили дѣла, о которыхъ сейчасъ нѣтъ возможности говорить.

Жалкій внѣшній видъ курдовъ вводилъ въ заблужденіе нашихъ военныхъ, часто въ горныхъ ущельяхъ курды звѣрски убивали тѣхъ великодушныхъ и благородныхъ русскихъ офицеровъ, которые такъ снисходительно относились къ нимъ...

Горный кряжъ Аладакъ, находящійся между Ваномъ и Алашкертомъ, недалеко отъ Арарата, сливается съ Діарбекирскими и Харпутскими горами. Вотъ здѣсь и находится неприступная родина курдовъ, тутъ находится гнѣздо внутреннихъ защитниковъ Турціи.

Эти горныя ущелья послѣ занятія Эрзерума русскими войсками, уже находятся въ тылу русскихъ войскъ.

Однако, съ начала войны вплоть до нашихъ дней въ этихъ же ущельяхъ курды не перестаютъ безпокоить наше высшее командованіе своими нападеніями. И это явленіе,—результатъ въ высшей степени культурнаго и снисходительнаго отношенія мѣстныхъ военныхъ властей по отношенію къ «мирнымъ курдамъ».

Г.

Арменія и война.

Награды и отличія.

За боевыя отличія производятся 208 пѣхотнаго Лорійскаго полка: въ полковники Коргановъ и въ подполковники, Саруxановъ. Лорійскій полкъ входитъ въ составъ того славнаго Кавказскаго корпуса, который, подъ командою генерала Ирманова, совершилъ въ настоящую войну чудеса храбрости.

* * *

Приказами по кавказской арміи отъ 7, 17 и 20 мая 1916 г. за отличія, выказанныя въ дѣлахъ противъ непріятеля, награждены орденами: капитанъ Соломонъ Меликъ Парсадановъ, штабсъротмистръ Михаилъ Векиловъ, штабсъ-капитанъ Александръ Мириманов и Геворкъ Бекъ Зурабовъ, поручики князь Михаилъ Тумановъ и Георгій Цитогцяндъ, подпоручики Петръ Гамбаровъ (дважды) и Степанъ Джаладянцъ и прапорщики Степанъ Пираловъ, Иванъ Церетели-Церетеленъ, Алексѣй Макашевъ (дважды), Арамъ Теръ Хачатуровъ, Агасинъ Теръ Іоаннесянцъ, Яковъ Жамгоцовъ (дважды), Аронъ Теръ Арутюнянцъ, Николай Караханов, Петръ Теръ Акоповъ, Яковъ Чаталбашевъ, Рубенъ Теръ Степановъ, Романъ Меликъ Шахназаровъ, Суренъ Арутюновъ, Степанъ Саркисянцъ, Михаилъ Чечиновъ, Георгій Демирягляицъ, Арамаисъ Гаспаренцъ, Хачатуръ Саакянцъ, Тигранъ Степанянцъ, Оганесъ Аванесьянцъ и Арташесъ Умикянцъ.

Какъ турки истребляли армянъ*).

II.

Недавно турецкое правительство устами министра внутреннихъ дѣлъ Талаатъ-бея объявило во всеуслышаніе, что армянъ рѣзали не турецкіе чиновники и войска, а курды. И этимъ своимъ заявленіемъ преступное правительство попыталось освободиться отъ тяжкой отвѣтственности за безпримѣрныя армянскія избіенія. Лживость подобныхъ заявленій доказывается приводимымъ ниже разсказомъ одного армянина, который чудомъ спасся отъ недавней организованной рѣзни.

Разсказъ касается рѣзни, происшедшей въ городѣ Аконцѣ.

Разсказчикъ—уроженецъ селенія Банонъ Арджешскаго округа, Мкртичъ Ованнисянъ.

Мкртичъ — пожилой человѣкъ, нѣсколько разъ бывшій свидѣтелемъ турецкихъ ужасовъ.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Мкртичъ жилъ въ своей родной деревнѣ съ молодой женой и годовалой дочерью. Онъ былъ сыномъ одного изъ наиболѣе зажиточныхъ семействъ Банона,—послѣдній былъ благоустроенной деревней изъ 40 дворовъ.

Въ періодъ избіеній 1896 г., поднявшихъ въ свое время такой шумъ, Банонъ былъ опустошенъ и разоренъ. Семья Мкртича жестоко пострадала—его жена и дочь, жена и двѣ дочери его старшаго брата Аслана, сынъ и дочь другого его брата Арутюна—были убиты.

И Мкртичъ, убитый горемъ послѣ разоренія его родной деревни, его очага и убійства родныхъ, бѣжалъ изъ страны ужасовъ и нашелъ пріютъ въ Айраратскомъ полѣ **).

Прошло 14 долгихъ года. Мкртичъ женился, обзавелся хозяйствомъ, родились дѣти, и онъ забылъ старое горе. Наступили дни турецкой конституціонной жизни. Объ отечествѣ стали поступать утѣшительныя вѣсти. Въ душѣ Мкртича возобновилась съ новой силой тоска по родной деревнѣ, онъ возвратился съ своей семьей въ Банонъ, гдѣ вмѣсто 40 зажиточныхъ дворовъ, онъ нашелъ лишь 5 жалкихъ хижинъ.

Банонъ началъ снова цвѣсти и разрастаться. Но дальнѣйшій ростъ Банонъ былъ пріостановленъ; вспыхнула русско-турецкая война, и произошла новая рѣзня.

Чудомъ спасшійся отъ новой рѣзни Мкртичъ, задыхаясь отъ волненія, разсказалъ слѣдующее.

«2-го апрѣля въ нашей деревнѣ распространился слухъ, что десятникъ Али съ 7—8 жандармами обходитъ деревни и ищетъ дезертировъ. Затѣмъ мы получили свѣдѣнія, что жандармы прибыли въ сосѣднюю деревню Гандзакъ. Движимый любопытствомъ, отчасти по дѣламъ, я отправился въ Гандзакъ, увѣренный, что меня никто не тронетъ. Но сейчасъ же по прибытіи туда десятникъ Али меня арестовалъ. Мнѣ было тогда 48 лѣтъ, и я былъ освобожденъ отъ отбыванія воинской повинности. Али не обратилъ никакого вниманія

*) См. «Армянскій Вѣстникъ» № 10.

**) Такъ называется часть Эриванской губерніи. *Ред.*

ни на мой протестъ, ни на мое метрическое свидѣтельство, послѣднее онъ положилъ себѣ въ карманъ, меня же смѣшалъ съ рядомъ другихъ арестованныхъ лицъ, говоря, что ему приказано всѣхъ мужчинъ свыше 18 лѣтъ повести въ городъ. Болѣе чѣмъ 30 человѣкъ всѣхъ возрастовъ они въ тотъ день привели въ деревню Бердагъ. Ночью двое изъ насъ бѣжали, за что турки сильно избили сельскаго старосту. На слѣдующій день насъ привели въ деревню Ороранъ; по дорогѣ мужчинъ, занимавшихся полевой работой, присоединили къ нашей группѣ.

4-го апрѣля мы пришли въ городъ Аканцъ, отсюда насъ повели прямо въ казармы. Тамъ мы нашли много армянъ, число которыхъ все увеличивалось новыми и новыми группами. Въ послѣдній день число армянъ возросло до 700—800 чел., изъ которыхъ должны были образовать запасный батальонъ.

5-го апрѣля нѣсколько человѣкъ изъ насъ были отправлены въ полицію; гдѣ мы были переписаны полицейскимъ Асадуллой эффенди, который не принялъ во вниманіе нашихъ протестовъ. Изъ полиціи насъ вернули въ казарму, гдѣ много армянъ, согнанные какъ бараны, прозябали день и ночь. Насъ почти не кормили, намъ доставляли пищу большей частью сердобольные люди. Настало, наконецъ, 6-е апрѣля, этотъ ужасный роковой день. Только что взошло солнце, когда меня два жандарма вмѣстѣ съ семью другими армянами повели въ городъ на работу. Мы начали очищать родникъ, находящійся около рынка, но эта работа продолжалась недолго, не прошло и двухъ часовъ, какъ было получено распоряженіе, чтобы насъ повели обратно въ казарму. Намъ это показалось страннымъ; почему насъ повели туда, и зачѣмъ насъ ведутъ назадъ? И когда мы съ такимъ вопросомъ обратились къ сопровождавшимъ насъ жандармамъ, то тѣ отвѣтили, что насъ посылаютъ въ Діарбекиръ.

Въ этотъ день изъ Аболи привели 70 армянъ, а послѣ полудня еще достаточное число армянъ-горожанъ. Среди послѣднихъ были замѣститель епархіальнаго начальника священникъ Егише, Шалдисянъ Николай и его сынъ Саркисъ, Вродъ Арутюнъ и Ишанъ, Хосровъ и Серобъ эффенди—всѣ извѣстные купцы Ихъ помѣстили въ отдѣльной комнатѣ.

Въ Вегерирѣ на площадяхъ передъ казармой собралось достаточное количество милиціонеровъ, старыхъ и молодыхъ. Сюда прибылъ Гаймагамъ *) Али Мирзай-бей, который, подойдя къ собравшимся милиціонерамъ, что то имъ сказалъ и отдалъ какія-то приказанія и разослалъ въ разныя стороны, а самъ удалился. Все это дѣлалось передъ нашими глазами, мы все это видѣли изъ оконъ, но о чемъ они говорили—мы не могли узнать. Это происходило на дворѣ, что замышлялось—мы не знали, тяжелое и необъяснимое предчувствіе охватило насъ всѣхъ.

Вскорѣ мы узнали, что сдѣлано распоряженіе, чтобы никто послѣ 8-ми час. не выходилъ изъ дому, это еще болѣе увеличило наши подозрѣнія. Согнанные со всѣхъ сторонъ въ обширныя помѣщенія казармы, мы проводили тяжелыя минуты сомнѣній.

Послѣ 8-ми часовъ распространился слухъ, что замѣститель епархіальнаго начальника и другіе именитые армяне выведены изъ города и убиты. Объ этомъ одинъ изъ милиціонеровъ Геойли-Запаръ сообщилъ своему знакомому.

Ужасъ охватилъ насъ всѣхъ, но никому и въ голову не пришло то, что замышляли по отношенію къ намъ.

Скоро открылась дверь нашего помѣщенія, и 39 человѣкъ были выпущены изъ него. Черезъ четверть часа дверь снова открылась и еще столько лицъ было выпущено, послѣ чего дверь заперли. Куда ихъ вели, что происходило внѣ нашего помѣщенія, мы ничего не знали. Мы обратились съ вопросами къ стоявшимъ у оконъ жандармамъ, но тѣ единодушно насъ увѣряли, что ничего особеннаго нѣтъ, что армянъ ведутъ на пристань, чтобы оттуда на судахъ направить въ Діарбекиръ.

Наконецъ очередь дошла до меня, дверь въ четвертый разъ отворилась, и снова было выпущено 50 человѣкъ. Въ этой группѣ находились изъ деревни Гандзакъ Погосъ Горанянъ, и его братъ Асатуръ, Геворгъ Петросянъ, Акопъ и Саакъ Нахапетянъ, Микаэль и Сафаръ Вардапетянцы. Изъ деревни Банонъ—Геворъ Манукянъ, Мелконъ Саркисянъ, Хачатуръ Аветисянъ. Въ нашей группѣ были жители деревень Агерафъ, Бердагъ и другихъ деревень, которыхъ я зналъ.

Когда эти 50 человѣкъ вышли въ корридоръ казармы, какъ звѣри на насъ напали жандармы и милиціонеры и начали насъ перевязывать веревками. Это продолжалось недолго, и отрядъ жандармовъ и милиціонеровъ, окруживъ насъ, вывелъ изъ города.

Насъ погнали въ сторону деревни Ороранъ, насъ гнали быстро и спѣшно, маленькое замедленіе вызывало бурю ругани и удары. Насъ гнали на бойню, мы этого еще не знали, но тяжелое предчувствіе давило насъ. На пути къ деревнѣ Ороранъ, на полѣ, есть ручьи, ямы и мельницы, въ ту сторону и повели насъ.

Мы долго шли, хотя пройденное разстояніе не было велико, но оно казалось намъ длиннымъ, очень длиннымъ, отъ страха мы стали нетерпѣливыми.

Наконецъ, насъ привели на берегъ рѣчки, которая носитъ названіе Карачи-Юртъ, и насъ остановили. Было довольно темно, немного поодаль я въ темнотѣ замѣтилъ нѣсколько труповъ; я ужаснулся, въ глазахъ потемнѣло, сознаніе омрачилось, инстинктивно я толкнулъ рядомъ стоявшихъ и указалъ на трупы; ужасъ охватилъ и ихъ. Среди насъ началась суматоха. Жандармы и милиціонеры замѣтили это, и моментально вмѣстѣ съ воплями начали раздаваться залпы. Многіе пали; сраженные пулей, увлекая за собой и другихъ, образовали кучу труповъ, я остался подъ этой кучей. Что произошло послѣ того, какъ я могъ вырваться изъ этого ада, я до сихъ поръ не могу вспомнить, я помню только то, что задыхаясь я бѣжалъ безъ оглядки. Я пере-

*) Уѣздный начальникъ.

скочилъ черезъ ручей, прошелъ возвышенности и ямы, я помню и то, что со мной бѣжалъ какой-то незнакомецъ. я еще долго слышалъ ружейные залпы.

Не останавливаясь ни на минуту, я прошелъ длинный путь и на слѣдующій день пришелъ къ себѣ домой. Но тамъ невозможно было оставаться. Изъ города приходили ужасныя вѣсти о рѣзнѣ, тамъ не осталось армянъ, среди сосѣднихъ курдскихъ племенъ началось движеніе, нѣсколько деревень подверглось нападенію и разоренію. Я подождалъ до вечера, съ наступленіемъ ночи я бросилъ жену и дѣтей на произволъ судьбы, пошелъ въ сторону Аладага и спасъ свою голову, но сколько жизней погибло тамъ, трудно учесть».

А—До.

Группа дѣтей-армянъ изъ Хизанскаго района, спасенныхъ одной армянской дружиной. Ихъ теперь содержитъ Всероссійскій Союзъ Городовъ.

Возстановленіе Арменіи.

Очередныя задачи.

I.

Прошло уже болѣе мѣсяца со дня закрытія перваго Всероссійскаго Армянскаго съѣзда и какъ-будто о немъ забыли.

Мы считаемъ своимъ долгомъ напомнить тѣмъ, кому это надлежало помнить, что съѣздъ вынесъ очень важныя и неотложныя рѣшенія — осуществленіе коихъ съѣздъ поручилъ прежде всего, избранному въ послѣднемъ засѣданіи 13-го мая, временному исполнительному бюро.

Въ составъ названнаго бюро вошли господа: Аракелянъ А. Б., Арутюновъ С. С., Асрибековъ А. Б., архимандритъ Гарегинъ, Мамиконянъ С. Г., Саакянъ А. А., Теръ-Микаелянъ Г. В., Терлемезянъ П. и Чалхушянъ Г. Х.

Бюро это пока бездѣйствуетъ.

Какъ извѣстно, лишь недавно предсѣдатель съѣзда С. Г. Мамиконянъ разослалъ всѣмъ членамъ временнаго исполнительнаго бюро телеграфные запросы о томъ, гдѣ и когда желали бы собраться, и съ просьбой отвѣты направлять въ Петроградъ на имя А. Б. Асрибекова.

И только.

Бюро пока не собиралось, а когда соберется не извѣстно между тѣмъ дѣло не ждетъ. Если трудно собрать сразу всѣхъ членовъ исполнительнаго бюро, то должны были собраться, по крайней мѣрѣ, всѣ его члены, кои лично участвовали въ съѣздѣ и приняли на себя опредѣленное обязательство.

Эти послѣдніе должны были взять на себя иниціативу первыхъ неотложныхъ шаговъ и добиться собранія всѣхъ членовъ бюро.

Вѣдь всѣми на съѣздѣ было признано главной и неотложной задачей—объединеніе дѣла помощи армянамъ, пострадавшимъ отъ войны.

Конечно, многое уже дѣлается на мѣстахъ армянскими общественными организаціями, но разрозненно и часто случайно.

Для согласованности въ дѣятельности отдѣльныхъ организацій, работающихъ на мѣстахъ, и требуется объединеніе въ одномъ центрѣ. Мы вынуждены повторить еще разъ, что до тѣхъ поръ пока это не будетъ осуществлено, всѣ промахи, наблюдавшіеся до сихъ поръ, будутъ неизбѣжно повторяться.

Вотъ главная задача.

Надъ ней нужно работать, ибо время не терпитъ.

Если не будутъ использованы въ достаточной мѣрѣ и не будутъ проведены въ жизнь главныя постановленія перваго съѣзда, то дѣлу объединенія грозитъ серьезная опасность.

Въ Россіи объединеніе въ національномъ дѣлѣ можетъ быть осуществлено обычно черезъ легальный съѣздъ.

На основаніи же состоявшагося постановленія совѣта министровъ пока не допускаются по соображеніямъ общегосударственнаго характера всякаго рода съѣзды общественныхъ организацій.

Насколько строго соблюдается это постановленіе видно хотя бы по тому, что не допущены не только съѣзды правыхъ организацій, но даже съѣздъ археологическій, который стоитъ внѣ политики и партій, не говоря уже о съѣздахъ земскаго и городского союзовъ, осуществляющихъ поручаемыя государственной властью многочисленныя и разнообразныя по обслуживанію нуждъ арміи задачи.

Инціаторы армянскаго съѣзда какъ-будто чувствовали и это, когда настаивали на созывъ съѣзда въ маѣ, а не въ іюнѣ.

Мы были правы, когда 1-го мая спрашивали на страницахъ нашего журнала защитниковъ отсрочки съѣзда—«гдѣ гарантія, что разрѣшатъ перенести съѣздъ на начало іюня, или въ іюнѣ не помѣшаютъ съѣзду какія-либо непредвидѣнныя обстоятельства?».

При такихъ обстоятельствахъ цѣнность постановленій перваго всероссійскаго армянскаго съѣзда еще болѣе усугубляется.

Вотъ почему участники съѣзда должны особенно ревниво оберегать свои постановленія и принимать всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ скорѣйшему осуществленію максимума своихъ пожеланій черезъ будущій и уже признанный закономъ Центральный Армянскій Комитетъ, представителямъ котораго оставлены вакантныя мѣста въ «Особомъ Совѣщаніи» при министрѣ внутреннихъ дѣлъ.

Ив. Амировъ.

Армянскія общественныя организаціи, принимавшія участіе на всероссійскомъ армянскомъ съѣздѣ, и ихъ представители.

ПЕТРОГРАДЪ.

Отъ армянскаго бюро: ген. Баграмовъ Иванъ, Богдановъ Григорій, проф. Вартановъ Вартанъ, Гукасянъ Акопъ, Гянджунцянъ Гайкъ. Султанъ-Шахъ Русанна.

Отъ петроградскаго отдѣленія организаціоннаго комитета по созыву съѣзда: Берберянъ Николай, Егиазарянъ Лазарь, проф. Каракашъ, Манукянъ Седракъ, Ростомянъ Менторъ, Теріанъ Ваганъ.

Отъ общества по оказанію помощи бѣженцамъ и пострадавшимъ отъ войны: Гукасянъ Погосъ, г-жа Гянджунцянъ, г-жа Хахутянъ Нина.

Отъ церковнаго совѣта: Богдасянъ Погосъ, Будагянъ Саркисъ, Заврянъ Ованесъ.

Отъ общества призрѣнія о бѣдныхъ г-жа Бабаянъ Татьяна.

Отъ армянскаго художественнаго общества: Казантаръ Ашкаръ-бекъ, Кроянъ Давидъ.

Отъ армянскаго клуба: Бабаянъ Эликумъ, Левонянъ Паруйръ, Ордуханянъ Александръ.

Отъ кассы взаимопомощи учащихся армянъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Петрограда: Карахановъ Петръ, Чолахянъ Иперикъ.

МОСКВА.

Отъ московскаго отдѣленія организаціоннаго комитета по созыву съѣзда: Аджемовъ Христофоръ, Амировъ Иванъ, Балієвъ Иванъ, Дживелеговъ Алексѣй, Мамиконянъ Степанъ. Тадевосянъ Іосифъ. Хачатуровъ Сергѣй.

Отъ армянскаго комитета: Поповьянъ Мкртичъ, Сорохонянъ Мовсесъ, Тотоміанцъ Ваганъ. Хрмаджянъ Ованесъ.

Отъ дамскаго армянскаго комитета: г-жи Мирзаянъ Софія, Поповьянъ Маргаритта.

Отъ армянскаго церковнаго совѣта Гездаксаянъ Мкртичъ.

Отъ общества инженеровъ-армянъ г. Москвы Теръ-Ованнисянъ Акопъ.

Отъ кассы взаимопомощи учащихся армянъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ г. Москвы Арутюнянъ Ервандъ.

НАХИЧЕВАНЬ Н/Д и РОСТОВЪ.

Отъ нахичеванскаго и ростовскаго комитета помощи бѣженцамъ: Паршеянъ Хачересъ, Тергорянъ Амбарцумъ. Чалхушьянъ Григорій, архимандритъ Черекчянъ Геворкъ, Хачатрянъ Акопъ.

Отъ нахичеванскаго армянскаго дамскаго комитета, отъ ростовскаго общества любителей театра, отъ ростовскаго армянскаго дамскаго комитета, отъ дамскаго благотворительнаго общества *Акульянъ Арамъ*.

Отъ нахичеванскаго армянскаго благотворительнаго общества Зохрабянъ Александръ.

Отъ нахичеванскаго армянскаго дамскаго комитета Сагирянъ Ерабіонъ.

Отъ нахичеванскаго церковнаго совѣта Шапошниковъ Иванъ.

Отъ благотворительнаго общества «Ппрпрлянъ» Джавелеговъ Срапіонъ.

Отъ нахичеванскаго н/Д общества призрѣнія о бѣдныхъ Дерджанянъ Абгаръ.

Отъ нахичеванскаго церковнаго попечительства о бѣдныхъ и находящагося при немъ комитета помощи бѣженцамъ Богдановъ Акопъ.

САМАРА.

Отъ комитета по оказанію помощи бѣженцамъ Поповьянъ Егоръ.

АСТРАХАНЬ.

Отъ организацій и колоніи Бухарцянъ Рафаэлъ. Асланянъ Саркисъ. Соболянъ Карапетъ.

Отъ комитета помощи бѣженцамъ Левханянъ Николай.

Отъ общества призрѣнія о бѣдныхъ при астраханской армянской церкви Халатянъ Петросъ.

ХАРЬКОВЪ.

Отъ школьнаго попечительства Юзбашянъ Рубенъ.

ЦАРИЦЫНЪ.

Отъ армянскаго дамскаго комитета Тоосбаянъ Саакъ.

ОДЕССА.

Отъ армянскаго исполнительнаго комитета ревизіонной комиссіи и дамскаго комитета: свящ. Чубарянъ Ованнесъ.

Отъ армянскаго дамскаго комитета: г-жа Оганянъ Асанетъ.

Отъ ревизіонной комиссіи: Овнанянъ Аракелъ.

СИМФЕРОПОЛЬ.

Отъ армянскаго комитета свящ. Налбандянъ Ервандъ.

КАРАСУБАЗАРЪ.

Отъ армянскаго комитета: свящ. Мегикянцъ Аствацатуръ, Кара Мурза Сергѣй.

ЕВПАТОРІЯ.

Отъ комитета по оказанію помощи бѣженцамъ и добровольцамъ: свящ. Туманянъ Карапетъ.

КИШИНЕВЪ.

Отъ комитета по оказанію помощи пострадавшимъ отъ войны и бѣженцамъ: архимандритъ Максудянъ Месропъ.

МЕЛИТОПОЛЬ.

Отъ комитета по оказанію помощи армянамъ, пострадавшимъ отъ войны съ Турціей: Черникянъ Геворгъ.

ЕЙСКЪ.

Отъ армянскаго комитета помощи пострадавшимъ отъ войны: Шилтянъ Авдей.

С. ХАЧЪ.

Отъ армянскаго комитета: свящ. Джугурянъ Николай.

ѲЕОДОСІЯ.

Отъ армянскаго комитета по оказанію помощи пострадавшимъ отъ войны: Кевчеянъ Ервандъ.

БАХМУТЪ.

Отъ армянскаго комитета Петросянъ Газаросъ.

МАЙКОПЪ.

Отъ армянскаго комитета: Мамиконянъ Степанъ Есаянъ.

СЕВАСТОПОЛЬ.

Отъ армянскаго комитета: Теръ-Гукасянъ Саркисъ.

ТАГАНРОГЪ.

Отъ армянскаго комитета: свящ. Оксентянцъ Ованнесъ.

АДЛЕРЪ.

Отъ армянскаго комитета Черноморской губ.: Галентерянъ Григорій.

ВЛАДИКАВКАЗЪ.

Отъ комитета по оказанію помощи бѣженцамъ и добровольцамъ свящ. Сарикянъ Акопъ.

СТАВРОПОЛЬ.

Отъ комитета по оказанію помощи бѣженцамъ Айвазянъ Геворгъ.

КИСЛОВОДСКЪ.

Отъ отдѣленія кавказскаго благотворительнаго общества свящ. Теръ-Ованнисянъ Саакъ.

МОЗДОКЪ.

Отъ отдѣленія кавказскаго армянскаго благотворительнаго общества Шилтянъ Карапетъ.

ЛАБИНСКАЯ.

Отъ армянскаго комитета помощи бѣженцамъ свящ. Эртевціанъ Нерсесъ.

КЕРЧЬ.

Отъ армянской колоніи Теръ-Месропянъ Ованнесъ.

НОВОЧЕРКАССКЪ.

Отъ комитета помощи бѣженцамъ Паповьянъ Ваганъ.

СОЧИ.

Отъ армянскаго комитета Акопянъ Арамъ.

СУХУМЪ.

Отъ армянскаго комитета Котбашянъ Ованнесъ.

АРМАВИРЪ.

Отъ отдѣленія кавказскаго армянскаго благотворительнаго общества Мхитарянъ Саркисъ.

Отъ дамскаго комитета, отъ попечительства и комитета по оказанію помощи добровольцамъ Ервелянъ Осепъ.

ЕКАТЕРИНОДАРЪ.

Отъ армянскаго комитета и дамскаго комитета митета по оказанію помощи добровольцамъ Ярвелянъ Мкртичъ.

ПЯТИГОРСКЪ.

Отъ отдѣленія кавк. армянскаго благотворительнаго общества, дамскаго благотворительнаго общества, комитета по оказанію помощи пятигорскимъ добровольцамъ и бѣженцамъ Муратянъ Минасъ.

ДЕРБЕНТЪ.

Отъ отдѣленія національнаго бюро, отъ дамскаго общества и отдѣленія благотворительнаго общества свящ. Варданянъ Тигранъ.

ТИФЛИСЪ.

Отъ центральнаго комитета 6-й армянской дружины Газарянъ Акопъ.

Отъ армянскаго этнографическаго общества: Меликянъ Азбарцумъ, Лалаянъ Ервандъ.

Отъ тифлисскаго союза турецкихъ армянъ Ипекянъ Гаспаръ и Мелоянъ Гарегинъ.

БАКУ.

Отъ культурнаго союза: Аракелянъ Александръ, Лазарянъ Геворгъ, д-ръ Аветисянъ Арамъ.

Отъ отдѣленія національнаго бюро: Гюльхандарянъ Абрамъ, Левонъ Шантъ, Шатирянъ Мкртичъ.

Отъ общества по оказанію помощи бѣженцамъ-сиротамъ г-жа Патваканянъ Наталья.

Отъ комитета по оказанію помощи бѣженцамъ: Аракелянъ Арамъ, Тероянъ Вараздатъ.

Отъ приходскаго попечительства Будагянъ Тигранъ.

ЭРИВАНЬ.

Отъ эриванскаго союза коммерсантовъ-турецкихъ армянъ: Аругунянъ Аветисъ, Мирзаханянъ, Мирзаханъ.

Отъ ванскаго представительнаго собранія и коммиссіи по оказанію помощи Ханджянъ Гевондъ.

Отъ эриванской комиссіи турецко-армянскихъ бѣженцевъ Хоронянъ Гмаякъ.

Отъ ахтамарскаго представительнаго собранія Терлемезянъ Паносъ.

Отъ учителей турецкихъ армянъ Манукянъ Арамъ.

Отъ союза ванскихъ ремесленниковъ Овсепянъ Арташесъ.

НУХА.

Отъ отдѣленія армянскаго благотворительнаго общества Буниатянъ Менторъ.

АКУЛИССЫ.

Отъ отдѣленія кавказскаго армянскаго благотворительнаго общества Микаэльянъ Каренъ.

КАРСЪ.

Отъ національнаго комитета Дзамоянъ.

ЕЛИСАВЕТПОЛЬ.

Отъ отдѣленія благотворительнаго общества комитета по оказанію помощи бѣженцамъ и учительскаго союза Меликъ Мнацаканянъ Левонъ.

НАХИЧЕВАНЬ (Эрив. губ.).

Отъ комитета «Братской помощи» и общества призрѣнія о сиротахъ Джанполадянъ Исаи.

АХАЛЦЫХЪ.

Отъ отдѣленія кавк. армянскаго благотворительнаго общества Будугянъ Арменакъ.

ШУША.

Отъ общества помощи бѣженцамъ и отъ петро-

градскаго армянскаго бюро Асрибековъ Александръ.

Отъ епархіальнаго училища и благотворительнаго общества: Гукасянъ Абрамъ, Теръ-Акопянъ Мелкиседекъ.

Отъ дамскаго комитета помощи бѣженцамъ г-жа Асрибекова Елисавета.

АХАЛКАЛАКИ.

Отъ отдѣленія союза городовъ, армянскаго комитета и армянскихъ учителей д-ръ Бабаянъ Артатесъ.

СИГНАХЪ.

Отъ комитета братской помощи Тараянъ Саркисъ.

Отъ отдѣленія кавк. армянскаго благотворительнаго общества Оганянъ Геворкъ.

ИГДЫРЪ.

Отъ комитета «Братской помощи» и карсскаго отдѣленія армянскаго благотворительнаго общества Агбалянъ Николай.

Изъ-за границы.

САЛМАСТЪ.

Отъ самастскаго комитета «Братской помощи» Арутюнянъ Аракелъ.

ТАВРИЗЪ.

Отъ дамскаго комитета по оказанію помощи салмастскимъ бѣженцамъ г-жа Варданянъ Аракся.

Отъ областного комитета по оказанію помощи бѣженцамъ Теръ-Акопянъ Александръ.

ЕГИПЕТЪ.

Отъ египетскаго общества національнаго вспомоществованія Саруханянъ Аракелъ.

АМЕРИКА.

Отъ американскихъ армянъ Врацянъ Семенъ.

Такимъ образомъ на съѣздѣ присутствовало около 150 делегатовъ 97 армянскихъ общественныхъ организацій; по территоріальному признаку на съѣздѣ были представлены около 60 городовъ и мѣстечекъ.

Бѣженцы.

ОБЗОРЪ ПЕЧАТИ.

Лордъ Брайсъ и армяне-бѣженцы.

Въ газетѣ «Daily Mail» помѣщено слѣдующее письмо Лорда Брайса.

«Я увѣренъ, что многимъ изъ вашихъ читателей будетъ пріятно узнать, что на воззваніе о нуждахъ безпомощныхъ армянъ-бѣженцевъ, спасшихся на русской территоріи отъ турецкой рѣзни, горячо откликнулись какъ здѣсь, такъ и въ Соед. Шт. и въ Швейцаріи. Были основаны фонды, которые спасли отъ смерти нѣсколько тысячъ людей и на много улучшили положеніе больныхъ, страждущихъ отъ лишеній.

Есть, однако, еще одна задача, которая требуетъ немедленнаго удовлетворенія. Это - задача возстановленія Арменіи. Успѣхи русской арміи въ Турецкой Арменіи даютъ возможность многимъ армянамъ возвратиться въ тѣ области, изъ которыхъ ихъ вытѣснили годъ тому назадъ, и которыя, мы надѣемся, никогда не будутъ болѣе подвергнуты турецкой тираніи и жестокости.

Но тѣ, которые возвращаются, находятъ разоренную и печальную страну, въ которой кормъ уничтоженъ, а скотъ угнанъ. Они нуждаются въ основательной помощи, которая дала бы имъ возможность возстановить ихъ хозяйства.

Имъ необходимо также пріобрѣсти земледѣльч. орудія и зерна для обсѣмененія полей, во избѣжаніе угрожающаго голода. Среди населенія этихъ областей армяне являлись самымъ трудолюбивымъ элементомъ и интеллигентнымъ. Только они одни могутъ вернуть благосостояніе этому краю.

Комитетъ помощи армянамъ имени Лорда мэра выражаетъ надежду, что добровольная помощь въ дѣлѣ спасенія жизней, будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, когда тѣ, которые были спасены отъ голода и болѣзни, будутъ въ состояніи прокормить себя и семью собственнымъ трудомъ.

„Новое время" о земскомъ совѣщаніи въ Тифлисѣ.

Къ рѣзко-отрицательному отношенію русской прогрессивной печати къ позиціи большинства тифлисскаго земскаго совѣщанія, присоединилось и «Новое Время», помѣстившее корреспонденцію изъ Тифлиса.

Коснувшись основныхъ положеній большинства и меньшинства совѣщанія, газета говоритъ:

Какъ и слѣдовало ожидать, еще до начала всякихъ работъ мѣстные дѣятели раздѣлились по своимъ взглядамъ на два рѣзко враждебные лагеря—на грузино-татарское большинство и армянское меньшинство. Большинство настаиваетъ на томъ, что типъ земства 1890 года вполнѣ примѣнимъ для Кавказа и что, слѣдовательно, другими словами, на Кавказѣ не имѣется, во-первыхъ, своеобразныхъ особенностей, а, во-вторыхъ, національной розни. Меньшинство же, наоборотъ, признаетъ и то, и другое и въ виду этого признанія считаетъ необходимой такую структуру закона, которая учла бы какъ краевыя особенности, такъ и разумные жизненные интересы каждой народности.

Смѣшно говорить объ отсутствіи національной розни на Кавказѣ, и развѣ не доказывается эта рознь прежде всего раздѣленіемъ самихъ членовъ совѣщанія на грузино-татарское большинство и армянское меньшинство? Именно національный признакъ ихъ-то и раздѣлилъ. Еще смѣшнѣе отрицать мѣстныя особенности въ такомъ своеобразномъ краѣ, гдѣ въ иныхъ уѣздахъ нѣтъ вовсе никакого дворянства, въ другихъ дворяне бѣднѣе крестьянъ, гдѣ исторически сохранились самые необычайные институты чуждаго нашему строю землепользованія и т. д., и т. д.

Все это прекрасно извѣстно и русскому правительству, и законодателямъ, и никакія постановленія большинства, разумѣется, измѣнить положенія вещей не могутъ. Пусть Грузины и Тюрко-Татары, объединившись вмѣстѣ, рѣшатъ большинствомъ голосовъ, что Армянъ хоть вовсе на Кавказѣ не существуетъ. Все равно русская власть знаетъ, что они существуютъ, и знаетъ, сколько ихъ гдѣ живетъ. Есть вопросы, неподдающіеся рѣшенію большинствомъ, и говорятъ для примѣра, что даже всесильный англійскій парламентъ не можетъ сдѣлать женщину мужчиной.

Очнь печально, что національный фанатизмъ на Кавказѣ доходитъ даже до отрицанія фактовъ, а позицію Грузинъ и Тюрко-Татаръ въ данномъ вопросѣ понять не трудно. Въ однѣхъ губерніяхъ большинство составляютъ Грузины, въ другихъ—Татары,—чего же еще? Не надо никакихъ національныхъ курій, никакихъ мѣстныхъ приспособленій, къ чему говорить о новыхъ земскихъ единицахъ, о какихъ-то національныхъ правахъ, о выдѣленіи городовъ,—дайте намъ тотъ простой типъ земства, который обезпечитъ возможность нашего полнаго хозяйничанія.

Но, во-первыхъ, напомнимъ большинству, что и самое-то «земство 1890 г.» тоже имѣетъ разновидности: одинъ типъ въ сѣверныхъ губерніяхъ, другой въ дворянскихъ. Россія велика и многообразна въ своихъ частяхъ, и всюду вводимая земская реформа будетъ подвергнута и подвергается весьма значительнымъ измѣненіямъ. Сказать «типъ земства 1890 г.», это значитъ—не дать власти рѣшительно никакихъ матеріаловъ для реформы.

Отсюда вытекаетъ и то второе, что слѣдуетъ сказать сплотившимся въ большинство участникамъ совѣщанія. Если бы нынѣшнее земское совѣщаніе, внимательно подойдя къ своей задачѣ, сумѣло найти удовлетворительный компромиссъ, принявъ во вниманіе справедливыя заявленія меньшинства, и выработало, такимъ образомъ, общее соглашеніе всѣхъ вмѣсто ненужныхъ рѣшеній большинствомъ,—тогда бы, ссылаясь на такое соглашеніе, на единогласное требованіе скорѣйшей реформы, можно было бы двинуть ея осуществленіе самымъ быстрымъ, самымъ ускореннымъ и упрощеннымъ темпомъ, вплоть, можетъ быть, до примѣненія 87-й статьи. Въ такой постановкѣ дѣла это не встрѣтило бы возраженій со стороны законодательныхъ учрежденій.

Но въ виду явно обнаруженнаго разногласія и полнаго нежеланія большинства считаться съ справедливыми возраженіями, считаться съ самымъ фактомъ національной розни, вся выработка закона ляжетъ теперь уже на правительственныя и законодательныя инстанціи. Движеніе будетъ самое медленное, потому что придется обсуждать всякую мелочь, кропотливо перерабатывая законъ, принимая во вниманіе то, что игнорировалось совѣщаніемъ.

Тѣ или другія резолюціи большинства никакой практической цѣнности не имѣютъ. Да и весь-то вопросъ о большинствѣ и меньшинствѣ сводится въ концѣ концовъ лишь къ вопросу, какъ думаютъ Грузины, какъ Армяне, а какъ Тюрко-Татары. Кавказское совѣщаніе только то и показало съ полной очевидностью, какъ остра еще на Кавказѣ національная борьба, какимъ фанатизмомъ проникнуты всѣ совмѣстныя выступленія. И русской власти при введеніи въ краѣ земской реформы придется это учесть, справедливо ограждая законныя жизненныя права каждой народности.

Армянская пресса.

По поводу русскихъ побѣдъ.

По весьма удачному выраженію предсѣдателя перваго всероссійскаго армянскаго съѣзда, «русское дѣло—армянское дѣло». Поэтому послѣднія русскія побѣды въ Галиціи и Буковинѣ вызвали энтузіазмъ какъ въ армянскомъ обществѣ, такъ и въ армянской печати. Послѣдняя живо обсуждаетъ значеніе русскихъ успѣховъ и предвидитъ близкое пораженіе средне-европейскихъ державъ. Печать отмѣчаетъ и то политическое вліяніе на Румынію, которое могутъ имѣть при своемъ дальнѣйшемъ развитіи успѣхи доблестныхъ русскихъ войскъ.

25-лѣтіе со дня смерти Петроса Адаміана.

Въ день годовщины смерти Петроса Адаміана вся армянская печать удѣлила большое вниманіе жизни и дѣятельности великаго армянскаго артиста.

Въ журналѣ «Амбаваберъ», извѣстный армянскій писатель и историкъ Лео характеристикѣ дѣятельности Адаміана предпосылаетъ слѣдующія строки.

«Печальный годъ„ Горе охватило весь міръ, отъ полюса до полюса. Нѣтъ времени и возможности считать число погибающихъ. Цѣлые народы падаютъ жертвами войны.

Одной изъ первыхъ жертвъ являемся мы армяне, одѣтые теперь въ трауръ.

У насъ были десятки тысячъ труповъ, но мы продолжаемъ хоронить и хоронить. Свѣжія могилы—если только можетъ быть свѣжесть въ царствѣ смерти—разъѣдаютъ наше сердце. У насъ не осталось больше слезъ. Кровоточитъ армянское горе.

Въ такія ужасныя времена мы вспоминаемъ нашихъ старыхъ усопшихъ, тѣхъ, которые давно превратились во прахъ, но продолжаютъ жить для насъ, будутъ жить и впредь, для многихъ будущихъ поколѣній. Два мѣсяца тому назадъ мы отмѣтили память одного изъ дорогихъ намъ дѣятелей Микаэля Налбан-

дяна, почившаго 50 лѣтъ тому назадъ. Теперь мы отмѣчаемъ блестящую и свѣтлую память другого нашего великаго дѣятеля—Петроса Адаміана—умершаго 25 лѣтъ тому назадъ.

Имена, которыя олицетворяютъ великія идеи, Микаэль Налбандянъ—армянскую политическую мысль, Петросъ Адаміанъ—армянское сценическое искусство.

Третьяго іюня 1891 года въ Константинополѣ скончался Петросъ Адаміанъ. Геній армянской сцены, величайшій армянскій художникъ, передъ которымъ преклоняютъ свои головы еще больше армянъ—чужіе.

Нужно отмѣтить этотъ печальный день, когда навѣки сомкнулись уста, соловья армянской сцены. Въ померкшіе дни траура великимъ утѣшеніемъ можетъ быть поклоненіе нашимъ великимъ могиламъ. Нѣтъ больше у насъ ничего, чтобы могло намъ помогать сопротивляться, бороться и продолжать путь къ Голгоѳѣ. Тамъ вдали, въ древнихъ надгробныхъ памятникахъ все наше прошлое, опираясь на которое мы вышли связать свою судьбу съ таковою человѣчества и смѣло и властно мы требуемъ мѣста для сохраненія нашего существованія».

«Аревъ», характеризуя Адаміана и извѣстнаго турецко-армянскаго юмориста Акопа Пароніана, со дня смерти котораго прошло 24 года, пишетъ о немъ между прочимъ слѣдующее:

«Они родились въ тяжелой турецко-армянской дѣйствительности. Жили и росли въ неблагодарной, тяжелей средѣ. Ни на одного изъ нихъ эта среда не имѣла рокового вліянія. Они не задохнулись въ турецкомъ мірѣ, но какъ истыя жемчужины выплыли наружу и стали извѣстны широкимъ слоямъ общества. Адаміанъ посѣтилъ Кавказъ, побывалъ въ столицахъ Россіи, блеснулъ на чужой сценѣ, извѣстные критики сравнили его съ міровыми артистами и во многихъ роляхъ дали ему пальму первенства...

Такъ побѣдили они враговъ нашего народа и нашей литературы, жестокую турецкую дѣйствительность. И это было не личной побѣдой, это было не индивидуальнымъ восхожденіемъ Адаміана и Пароніана къ свѣту и истинѣ, а побѣдой нашего народа, который при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, изъ подъ варварскаго меча можетъ выставлять передъ міромъ свои культурныя и благородныя творенія».

О великомъ артистѣ «Гахапаръ» говоритъ.

«Петросъ Адаміанъ какъ артистъ и художникъ принадлежалъ къ старой французской романтической школѣ. Однако самородному великому таланту создаютъ славу не столько школа и направленіе, сколько самая сущность его. Фактъ тотъ, что Петросъ Адаміанъ, какъ утверждаютъ, обладалъ небеснымъ даромъ увлекать публику, очаровывать ее, а въ нужномъ случаѣ, устрашать, дѣйствовать на нее.

И звѣзда Адаміана продолжала все болѣе и болѣе блистать...

И теперь, когда прошло уже четверть вѣка съ печальнаго дня его смерти, мы посвящаемъ два простыхъ слова благодарности и искренняго восхищенія незабвенной памяти великаго артиста, талантливаго художника, въ надеждѣ, что при теперешнихъ тяжелыхъ политическихъ условіяхъ, русскіе армяне какимъ-либо образомъ увѣковѣчатъ блестящее имя своего «любимца».

Старѣйшая армянская газета «Мшакъ» пишетъ:

«Огромное значеніе Петроса Адаміана заключается въ томъ, что онъ показалъ русскому и французскому обществу, что армяне на поприщѣ искусства, театра, могутъ дать геніальнаго артиста, равнаго геніальнымъ, европейскимъ артистамъ. И второе великое значеніе Петроса Адаміана заключается въ томъ, что онъ своимъ армянскимъ языкомъ очаровывалъ, увлекалъ всю аудиторію, что онъ обнаруживалъ способность армянскаго языка выражать возвышенныя идеи и чувства такъ же, какъ и любой обработанный европейскій языкъ, онъ доказалъ, что армянскій языкъ, подобно англійскому, можетъ передавать Шекспира, и въ той же мѣрѣ, что французскій—Мольера и Расина.

Петросъ Адаміанъ превратилъ театръ изъ увеселительнаго мѣста въ храмъ, куда люди вступали съ трепетомъ и благоговѣніемъ и слушали, какъ молящіеся.

Петросъ Адаміанъ былъ сильнымъ звеномъ между армянскими культурными мірами Россіи и Турціи, онъ поднялъ значеніе армянскаго сценическаго искусства и внушилъ армянскому обществу желаніе любить народную сцену и думать о ея процвѣтаніи и благосостояніи».

Наконецъ, «Оризонъ» о побѣдномъ шествіи армянскаго генія говоритъ:

«Великій артистъ совершалъ свое турнэ, какъ посланникъ армянскаго искусства и армянскаго генія, онъ шелъ сообщать другимъ народамъ, что культурныя цѣнности армянской расы еще не истощились, что въ ея груди скрываются божественныя искры, что ихъ количество будетъ расти, и что отъ нихъ вспыхнетъ пожаръ въ великомъ восточномъ Болотѣ, какъ только тамъ, на армянской землѣ, воцарится свобода...

Лавры—во внѣ, оваціи и восторженные диѳирамбы изъ устъ очень извѣстныхъ авторитетовъ, каждое выступленіе его—апоѳеозъ, каждый его жестъ—сигналъ для бурныхъ апплодисментовъ. И армянскій геній быстро поднимается по великой лѣстницѣ славы, покоряетъ величайшихъ, наиболѣе щепетильныхъ критиковъ и занимаетъ мѣсто рядомъ съ Росси и другими всемірными свѣтилами.

Вмѣстѣ съ безподобнымъ артистомъ гастролировалъ армянскій языкъ, вмѣстѣ съ нимъ вездѣ носилось знамя армянской земли»...

ХРОНИКА АРМЯНСКОЙ ЖИЗНИ.

Армянская колонія въ Григоріополѣ.

22-го сего мая двѣнадцатью православными священниками съ игуменомъ во главѣ было освящено мѣсто на городскомъ бульварѣ подъ постройку собора.

На томъ мѣстѣ, гдѣ предположено создать храмъ, когда-то была армянская соборная церковь св. Екатерины (въ честь императрицы Екатерины), сооруженная армянами, переселившимися изъ Измаила и основавшими вмѣстѣ съ переселенцами изъ Каушана и Билли городъ Григоріополь въ 1791 году, и гдѣ по настоящее время находится св. престолъ бывшей армян. церкви.

Вслѣдствіе халатности и недальновидности мѣстныхъ армянъ, 30—40 лѣтъ тому назадъ городъ завладѣлъ этимъ мѣстомъ, находящимся въ самомъ центрѣ города, съ восточной стороны армянской Петро-Павловской церкви, въ 20 шагахъ отъ нея; а теперь принесъ въ даръ подъ постройку собора.

Въ Григоріополѣ армяне имѣютъ двѣ церкви: одна—во имя Петра и Павла, а другая—во имя пресв. Богородицы. На постройку первой церкви крупную сумму пожертвовалъ князь Павелъ Абоме-

лекъ, въ сороковыхъ годахъ, когда вышеназванная церковь св. Екатерины, съ деревянной крышей; пришла въ ветхость, а потомъ сгорѣла, а вторая— основана армянами, переселившимися изъ Каушанъ (въ Бессарабіи) вмѣстѣ съ основаніемъ города: Килійскіе армяне будучи малочисленны и не имѣя средствъ на постройку собственнаго храма, присоединились къ измаильскимъ армянамъ; но зато они имѣютъ собственное кладбище, какъ и остальные переселенцы, вслѣдствіе чего оказалось цѣлыхъ три армянскихъ кладбища.

Настоятелемъ церквей состоитъ года четыре тому назадъ посвященный священникъ Арутюнъ Теръ-Еноксьянцъ.

Мурадъ-Аспетъ.

Этнографическій вечеръ въ Тифлисѣ.

(Отъ нашего корреспондента).

31-го мая армянское Этнографическое общество устроило, рѣдкій по интересу, вечеръ — спектакль-свадьба, гдѣ участвовали любители и любительницы, исключительно ахалкалакцы.

Спектакль-экспромтъ происходилъ въ костюмахъ и на родномъ нарѣчіи ахалкалакцевъ.

Помимо этого «пьеса» импровизована была любителями же. На сценѣ въ продолженіе четырехъ дѣйствій въ разговорахъ и дѣйствіяхъ была представлена помолвка со всѣми обычаями и обрядностями.

Были хоровые танцы, пѣсни, поговорки, сказки, народные разсказы о прошлой исторической жизни и переселенчествѣ ахалкалакцевъ изъ Эрзерума въ началѣ XIX-го столѣтія.

Спектакль-свадьба вызвалъ большой интересъ.

Этнографическое общество намѣрено устроить еще такіе «живые» вечера на другихъ нарѣчіяхъ.

Общество имѣетъ 8 секцій — Карабахскій, Эриванскій, Зокскій, Ахалкалакскій и др.

А. Г.

Панихида по Кери въ Пятигорскѣ.

(Отъ нашего корреспондента).

Въ воскресенье 5-го іюня, послѣ обѣдни въ армяно-григоріанской церкви священникомъ о. Абраамомъ была отслужена панихида по павшему подъ Ревандузомъ національномъ героѣ Кери.

Церковь была переполнена молящимися.

Вся мѣстная армянская колонія, въ знакъ глубокаго своего уваженія въ память родного народнаго вождя, сочла своимъ долгомъ присутствовать на панихидѣ. Было не мало и пріѣзжихъ курсовыхъ.

До панихиды о. Абраамъ въ произнесенной проповѣди коснулся подвиговъ покойнаго борца за свободу своего многострадальнаго народа.

Разсказалъ біографію героя и о тѣхъ мукахъ, кои Кери со спокойной душой переносилъ до 1914 года изъ-за идеи. Отецъ Абраамъ не забылъ упомянуть и имя помощника Кери, тоже покойнаго, веселаго и легендарнаго Хечо, а также всѣхъ ихъ товарищей, сложившихъ головы на полѣ брани.

Тачатъ.

Письмо въ редакцію.

М. Г., г. редакторъ!

Авторъ замѣтки «Памяти Будугова», г. Кара-Дарвишъ, сумѣвшій такъ хорошо раскрыть красивую душу покойнаго, упустилъ изъ виду то, что проходило красной нитью черезъ его жизнь. Онъ забылъ, что девизомъ Будугова было: «дѣлать все при жизни, дѣлать самому».

И я слышала отъ Ард. Ив., что онъ хочетъ издать популярную исторію Арменіи Лео, слышала и другое и никогда не слышала, чтобы онъ говорилъ, что оставляетъ на это средства. Онъ всегда повторялъ, что надѣется на дѣтей своей сестры, такъ какъ всегда старался прививать имъ любовь къ своимъ стремленіямъ. И д-ръ Будуговъ—какъ и слѣдовало ожидать—не оставилъ «довольно большого состоянія», какъ не оставилъ средствъ на культурно-просвѣтительныя цѣли.

А между тѣмъ уже въ іюнѣ прошлаго года племянникъ покойнаго—д-ръ А. І. Чилингарянъ писалъ мнѣ, что первое изъ пожеланій своего дяди, которое онъ хочетъ осуществить—это послать въ Ахалцыхъ въ распоряженіе Арм. Женск. Благотв. О-ва намѣченную покойнымъ учительницу, для открытія тамъ курсовъ по распространенію знаній по молочному хозяйству, пчеловодству, корзиноплетенію, шелководству и т. п. А. Ж. Б. О-во и по сей день не отвѣтило матери д-ра Чилингарянъ на ея письмо, посланное по этому поводу. Много мѣсяцевъ спустя, частнымъ образомъ узнали, что тѣ условія, которыя считались пріемлемыми О-вомъ при жизни покойнаго, оказались непріемлемыми послѣ его смерти. И лишь тѣ ивы, которыя въ прошломъ уже году были отправлены въ Ахалцыхъ и посажены въ саду Мутафовыхъ, могутъ засвидѣтельствовать о томъ, что не отсутствіе добраго желанія племянника, являлось причиной временнаго не успѣха этого дѣла.

Во вторую очередь вошла серія книгъ Лео «Библіотека Армянской Исторіи» и, наконецъ, книжка «Миньона» въ пользу о-ва Нверъ Манукнери» *).

И все же хочется сказать: неужели къ Ард. Ив.— человѣку, который, начиная съ перваго заработаннаго гроша, уже несъ дань своему народу и велъ эту линію до конца дней своихъ,—неужели къ этому человѣку будутъ предъявляться дополнительныя требованія?!

А что сдѣлали мы—его многочисленные друзья. Чѣмъ отмѣтили мы, что память о немъ намъ дорога, чѣмъ отблагодарили за то благо, которое онъ намъ дарилъ? Многимъ изъ насъ онъ излѣчивалъ души, многимъ исцѣлялъ тѣла, многихъ выводилъ въ люди. Какой вѣнокъ послали мы ему?

Изабелла Заврі[...]

Тифлисъ.

*) См. „Армянскій Вѣстникъ" № 12, 13, стр. 43.

Редакторъ-Издатель Ив. Т. Амировъ.

Типографія Акц. О-во «Моск. Издательство» Б. Дмитровка 26.

Типографія Акц. О-во «Моск. Издательство», Б. Дмитровка, 26.